НИНА БРОДСКАЯ

ХУЛИГАНКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нина Бродская — звезда советской эстрады в 60—70-х годах прошлого века. Живо и непосредственно рассказывает о том, как девочка из простой еврейской семьи превратилась в эстрадную звезду первой величины; с большой теплотой вспоминает о встречах и сотрудничестве с выдающимися людьми искусства; подчас несколькими штрихами рисует выразительный портрет того или иного персонажа.

Природное чувство юмора и легкая ирония позволяют ей со смехом, «по-хулигански» говорить о серьезном и важном, а читателю — и молодому и со стажем — получать истинное удовольствие.

Книга предназначена всем, кто любит искусство, хорошую музыку и ценит юмор.

-
-
- ГЛАВА I
- ГЛАВА II
- ГЛАВА III
- ГЛАВА IV
- ГЛАВА V
- ГЛАВА VI
- ГЛАВА VII
- ГЛАВА VIII
- ГЛАВА IX
- ГЛАВА X
- ГЛАВА XI
- ГЛАВА XII
- notes
    - 1

Это был 79-й, быть может, 80-й год. Моя первая опера «Эй, королева!» только что была поставлена в Казанском оперном театре, и начиналась уже запись ее на фирме «Мелодия». Я искал исполнителей и испытывал довольно большие затруднения, потому что партии были сложные и далеко не всякий певец мог бы с ними справиться. Я раскладывал эдакий «мысленный пасьянс», отметая одного исполнителя за другим. И

только по поводу одной партии у меня не было сомнений. Я твердо знал, что королеву должна петь только Нина Бродская. Другой исполнительницы я себе не представлял и даже не пытался искать. Нина идеально подходила для этой роли и по голосу, и по технике, и по актерским данным, и по великолепному юмору, который (и в этом я абсолютно убежден) не просто ей присущ, но составляет неотъемлемую часть ее натуры. Помню, когда я пришел к ней и начал показывать оперу, она с ходу подхватила мелодию основной арии королевы и запела так, будто не я, а она сама сочинила эту музыку. С ней и репетировать-то не надо было. Можно было сразу выходить на запись. Однако… спустя несколько дней Нина вдруг сообщает мне, что она не может взяться за эту работу. Я ничего не мог понять и начал допытываться: как, что и почему? Я долго ее терзал и наконец она сказала, что уезжает в эмиграцию.

Я был ошарашен, растерян и не только потому, что летела ко всем чертям уже спланированная запись, а еще и потому, что мы все, и композиторы и публика, теряли эстрадную звезду высшего класса, которой к тому времени Нина уже была. Это был шок. Потрясение. Но, учитывая все происходившее тогда в стране, ситуацию долго «вычислять» не пришлось. Это было вынужденное решение. Единственно возможное. Но как было бесконечно жаль, что не придется уже увидеть на сцене эту веселую, миниатюрную девчонку и услышать ее великолепный голос!

Прошло несколько лет. Я сам уехал из СССР и здесь, в Америке, встретился, конечно, с Ниной. Все свое она сохранила при себе. И голос, по-прежнему свежий и яркий, и неиссякаемое чувство юмора, хотя жизнь в эмиграции ей, как и всем нам, давалась нелегко.

Времена поменялись. Бродская снова появилась на российской эстраде и была с восторгом принята публикой. Она поет все, что хочет. Особенно это касается тех самых еврейских песен, которые запрещали, за которые ее преследовали и в конце концов выжили из страны. Ее творчество обогатилось. Она сочиняет музыку и стихи, записывает свои песни на дисках.

И вот теперь книга. Это еще одна, новая грань ее творчества. Надеюсь, что книга подарит читателю радость и теплоту общения с ярким и остроумным

человеком — Ниной Бродской.

Илья Катаев, композитор,

лауреат Государственной премии СССР

Если вы вдруг вспомните название следующих песен, то вспомните и мой голос, а значит, и меня, потому что я была их первой исполнительницей.

* * *

«Любовь-кольцо» из кинофильма «Женщины» — музыка Я. Френкеля, стихи М. Танича.

«Август» — музыка Я. Френкеля, стихи И. Гофф.

«Как тебя зовут» — музыка В. Гамалия, стихи М. Танича.

«Если ты словечко скажешь мне» — музыка Б. Савельева, стихи М. Плецковского.

«Разноцветные кибитки» — польская песня.

«Одна снежинка — еще не снег» — музыка Э. Колмановского, стихи И. Шаферана и Л. Дербенева.

«Буратино» из кинофильма «Приключения Буратино» — музыка А. Рыбникова, стихи Ю. Энтина.

«Кто тебе сказал» — музыка В. Добрынина, стихи Л. Дербенева.

«Сан-Саныч» из пластинки «Как прекрасен этот мир» — музыка Д. Тухманова, слова Вериго.

«С любовью встретиться» из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» — музыка А. Зацепина, слова Л. Дербенева…

И многие, многие другие песни.

Ваша

Нина Бродская

ГЛАВА I
«Я родилась в обычной еврейской семье…»

Мне иногда кажется, что моя жизнь — извилистая и крутая дорога, по которой мне приходится все время бежать и бежать. Временами, не удержавшись, — я падаю, а поднявшись — снова бегу.

Кого-то нашли в капусте, кого-то принес аист, а я родилась в обычной еврейской семье, отец мой был музыкантом, а мама — домохозяйка. Судьба моих родителей была не из легких. Отец вырос в многодетной семье, где голод и холод были постоянным и обычным явлением. В 12 лет он стал воспитанником одной из воинских частей, его называли «сын полка». Позже отец начал играть в военном оркестре, поступил в музыкальное училище при Московской консерватории и вскоре женился на моей матери. А потом началась война. Отец уезжает на фронт, откуда с войсками МВД попадает в Тегеран. Как известно, в Тегеране в 1943 году состоялась Международная конференция, на которой встречались главы великих держав — И. Сталин, Т. Рузвельт и У. Черчилль. Отец играл в военном взводе и оказался свидетелем этой встречи.

Мама родилась и воспитывалась в семье слепых родителей. Детство ее проходило в постоянных заботах — как прокормить семью, где-то что-то продать и заработать на хлеб. Уже в 6–7 лет с самого раннего утра она уходила с бабушкой торговать, а возвращалась к ночи. В моего папу она влюбилась, когда ей было 13, а ему 17 лет. Они поженились, и у мамы вскоре родился мой брат Леня.

Мои дед и бабка по материнской линии были очень добрыми и, конечно, бедными людьми. Говорили, что дед Арон слепым был с детства, а бабушка ослепла в результате заболевания «черной оспой». Кто-то их свел вместе. Так они и стали жить, а потом появились трое детей.

Дед часто любил сидеть на кухне, слушая радио и перебирая пальцами какую-нибудь книгу. Говорят, что слепые люди видят пальцами, это правда. Дед был абсолютно лысый, с большими седыми усами. Многие его называли Буденным.

У меня была и есть сестра — двоюродная сестра Поля. В отличие от меня она росла очень слабой, хрупкой девочкой, которую то и дело обижали дворовые мальчишки, и она мне каждый раз жаловалась. А я ее защищала. Кончилось это тем, что

стоило мне появиться у нее во дворе, как все ребята разбегались по домам. Когда Полине было лет 17–18, она вышла замуж, у нее появился маленький ребенок, и жила она тогда вместе с моей бабушкой. У Поли были свои заботы, а бабушка пребывала не в лучшем настроении. Однажды, когда Поли не было дома, мне позвонила бабушка и сказала, как бы жалуясь на Полю: «Ниночка, ди ферштейст ов идиш?» Что по-русски означало: «Ты понимаешь по-еврейски?» Самое смешное — это то, что моя бабушка была из Польши. Она разговаривала по-русски, как я по-татарски, мешая еврейский, русский и польский языки, а когда ругалась нецензурно, то у меня складывалось впечатление, что она до конца не понимала значения этих слов. Так вот, моя бабушка говорит мне: «Дайн швестр Поля — а за курве, а за блядь! Зи эт мир а зой издевается». По-русски это значило: «Твоя сестра Поля… она надо мной так издевается!» И при этом бабушка меня спрашивала, понимаю ли я по-еврейски? По-моему, и без того понятно! Услышав эти изречения, я выронила ложку из рук и начала хохотать. На следующий день я рассказала об этом кому-то из «Москонцерта», где я в ту пору уже работала, и через несколько дней эти фразы стали летучими: половина артистов «Москонцерта» повторяла их. Что касается моей другой бабушки по линии отца, то первые мои воспоминания о ней относятся к тому периоду, когда мне было два года.

Говорят, что люди не могут помнить столь раннего периода своей жизни, но я не могу с этим согласиться, поскольку отдельные фрагменты из моего раннего детства остались в моей памяти. Бабушка лежит под вишневым ватным одеялом, а я, увидев ее, забилась в угол. Она неотрывно смотрит на меня, не сводя глаз, как будто хочет что-то мне сказать. Она была парализована, и через некоторое время ее не стало. Ей было, моей бабушке Кате, всего 54 года.

Может быть, вы не поверите, но я росла милым и добрым сорванцом, без каких-либо комплексов. В два года, как говорят мои родители, я, сидя на горшке, распевала «Гимн Советского Союза», от ноты до ноты, размахивая ручонками как исправный дирижер оркестра.

Однажды мои мама и тетя взяли меня в гости, куда нужно было ехать на автобусе. Вдруг ни с того ни с сего я запела на весь автобус. И как вы думаете, что именно могла петь трехлетняя девочка? «Замела метель дорожки, запорошила» из репертуара Клавдии Шульженко. Автобус замер, я продолжала петь, а по окончании — все захлопали в ладоши.

Странно и обидно, что, став взрослыми, мы теряем так много — эту свободу чувств и непринужденность! Как порой в жизни

нам не хватает этих качеств! И так хочется иногда вернуться снова в детство, ощутить все заново. Но, увы!

Мои мать и отец были очень дружны с моим дядей (братом отца) и его женой Марией (подругой детства). У них никогда не было своих детей из-за женских проблем тети Марии, которая всегда мечтала иметь хотя бы одного ребенка, и всю свою нерастраченную любовь отдала мне.

Когда мне было несколько месяцев от роду, мать кормила меня грудью и обнаружила, что она снова оказалась беременной. Тетя Мария, или как я ее всегда называла — Маня, просила мою мать отдать меня ей, а когда появится на свет новый ребенок, он останется с моей матерью. Но мать наотрез отказалась это сделать, и я осталась как бы баловнем обеих любящих меня женщин. Я постоянно ощущала любовь Мани, которая баловала меня, и, покупая мне ту или иную вещицу, старалась накрепко привязать меня к себе.

Популярность четырехлетней певицы на крымском курорте

Когда мне было четыре с половиной года, тетя и дядя решили поехать в Крым на заработки, уговорив моих родителей отпустить меня с ними. Пробыли они в Крыму три месяца. Жили на квартире в небольшом городке Алупка. Оба устроились на работу — тетя была администратором в ресторане, а дядя Лева, по профессии музыкант-барабанщик, играл по вечерам в небольшом ансамбле в том же ресторане, ну, а я была предоставлена самой себе. Гуляла одна, заходила в ресторан, где мне наспех наливалась тарелка супа или еще чего-нибудь, а потом снова отправлялась бродить, и так каждый день. Как мне это кажется уже сейчас, я была ребенком неусидчивым и постоянно пребывала в поиске чего-то нового, интересного, придумывала для себя какое-то новое, заманчивое времяпрепровождение и, как правило, по своей детской неопытности и наивности попадала в неблагоприятные для меня ситуации. Говорили, что я была довольно красивым ребенком с длинными волнистыми волосами и большими карими глазами, на которые взрослые часто обращали внимание, да плюс одежда, которую мне моя тетя Маня старалась достать по блату, конечно, лучшую, так что вид у меня был в ту пору достаточно привлекательный. Представляете себе, в начале 50-х годов видеть красиво одетого ребенка — тогда это было редкостью.

Так вот этот ребенок, то есть я, видя, что мои тетя и дядя

много и тяжело работают, чтобы заработать хоть какие-то деньги, решила помочь им, собрала на пляже красивые ракушки и разложила их в людном месте с тем, чтобы продавать их. Узнав об этом, тетя сильно меня отругала, запретив навсегда это делать. Таким образом, с торговлей было покончено, и начались другие приключения, из-за которых мне постоянно попадало от тети: то я, неся арбуз, разбиваю его на улице на куски, то приношу домой котенка, который весь в блохах, то еще что-нибудь. Однажды я услышала от взрослых песенку. Не понимая ее смысла, я моментально заучила слова и начала всюду ее распевать. Взрослые были в восторге, и я скоро стала приносить тете много гостинцев, которыми меня награждали слушатели. Популярность моя росла, меня начали приглашать чуть ли не в каждый санаторий, располагавшийся на территории Алупки. Одни мне давали конфеты, другие — фрукты! Я была очень довольна до тех пор, пока моей тете не сказали о песенке, которая сделала меня такой известной на всю Алупку. Ох и попало мне тогда! Мне запретили петь эту песенку, которая, как мне казалось, ничем не отличалась от других, а в песенке этой были такие слова:

Зоя, Зоя, Зоя, Зоя,
Ты кому давала стоя?
Никому я не давала,
Кроме начальника вокзала.

Остались в моей памяти и приятные воспоминания от Крыма. Я обожала ходить с тетей на рынок, где лежали горы красивых фруктов: ароматных персиков, груш и яблок, янтарные гроздья винограда, но я находила свой любимый фрукт и тут же бежала к нему, показывая пальцем своей тете, чтобы она немедленно мне его купила. А фруктом был большой ярко-красного цвета помидор, который я тут же начинала есть.

Любила я также гулять по Ялте. Ялтинская набережная мне тогда казалась чудным райским по красоте своей местом, где гуляли приезжие курортники, одетые в яркие наряды и пахнущие ароматом духов «Красная Москва». Всюду были слышны музыка, разговоры, смех прогуливающихся людей, сверкали гирлянды вечерних огней, чувствовался запах вкусных пирожных, которые разносили по всей набережной на подносах.

В Ялте располагалась киностудия, куда приезжали кинорежиссеры на съемки своих фильмов, несколько раз и меня хотели привлечь для участия в съемках фильмов, например, таких, как «Овод», «Богатырь идет в Марто», но тетя не соглашалась отдать меня в руки режиссерам, ссылаясь на разные

причины.

На набережной была небольшая звукозаписывающая студия, где любой желающий мог записать и отослать домой в виде привета звуковое письмо — такую гибкую пластинку с видом ялтинской набережной. Тетя с дядей тоже решили послать такую пластинку моим родителям в виде привета от их небесного создания — дочки Нинули.

Я записала на своей первой пластинке вот такую песенку:

1-й куплет:

Ереван мой милый
Всех зовет сюда.
Здесь чудесный воздух,
Хмельная вода.
Персики, черчхели,
Сладкий виноград.
Приезжайте в гости,
Будет очень рад.

Припев:

Ай джан Ереван,
Родина моя.
Ай джан, ай джан
Милый Ереван.

2-й куплет:

В милом Ереване
Девушка живет.
Целый день тоскует.
Телеграмму ждет.
Милый, я тоскую,
Вышли восемьсот.

Припев.

3-й куплет.

У нас пропал мальчишка,
Ему сорок лет.
Мама с папой плачут,
Карапета нет.

«Вай, что мы будем делать?»
Карапет пропал.
Карапет, наверное,
В ресторан попал!

Припев.

ГЛАВА II
Мои любимые родители

Когда окончилась война, мы поселились в подвале небольшого деревянного дома. У нас была малюсенькая комната с кроватью, столиком и стулом. В подвал часто подбиралась вода, и крысы буквально карабкались по стенам, пытаясь выбраться из водяного плена. По утрам отец сажал меня на плечи и нес в детский сад в малышевую группу.

Не могу не вспомнить один приятный эпизод из этого раннего периода моей жизни. Был Новый год, в саду украсили большую елку и устроили утренний праздник. Выступали дети — кто пел, кто читал стихи, а меня поставили на стул и попросили спеть песенку. Я запела:

Скачет между травками
Быстроногий зайчик,
Смел своими лапками
Белый одуванчик.

И т. д.

Затем дети стали водить хоровод вокруг елки, а родители, сидевшие недалеко у стены, с любовью наблюдали за своими чадами.

Вскоре в зал вошел Дед Мороз и начал раздавать всем детям долгожданные подарки. Дошла очередь и до меня. Взяв в руки подарок, я поблагодарила Деда Мороза, посмотрела ему в глаза и тут меня что-то насторожило. В глазах Деда Мороза было что-то знакомое, доброе и совсем не холодное — морозное.

А после праздника ко мне подбежал один мальчишка, который был старше меня на группу, и громко во всеуслышание сообщил мне: «А Дед Мороз-то был твой папка! Не веришь? Вон его усы и борода!»

Позже я спросила у папы, правда ли это. Вначале он отрицал, а потом сознался. Но меня этот факт нисколько не огорчил, скорее наоборот. Я впервые ощутила чувство гордости за моего отца — Мой Папа! Мне иногда и сейчас кажется, что мы не только внешне с ним похожи. Запоет мой папуля какую-нибудь мелодию, а я ловлю себя на мысли, что в этот самый момент, когда он поет, я тоже пою ту же самую мелодию и в той же тональности, только пою про себя, внутри. Так у нас случалось не раз.

Первые уроки актерского мастерства от Шурова и Рыкунина

Шел 1957 год. Если вы помните, летом в Москве проходил 7-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Для меня то лето запомнилось хорошими событиями: окончился учебный год, наступили летние каникулы, шел фестиваль, помню, мы с братом бегали, попрошайничая у иностранных гостей значки и разные сувениры, ну и наконец-то — главное. Мой отец, молодой, красивый и прекрасный музыкант-барабанщик, работал в ту пору в коллективе очень известных тогда артистов жанра сатиры и юмора Александра Шурова и Николая Рыкунина. Это был большой коллектив артистов эстрады, включая эстрадный оркестр. Программа коллектива состояла из лучших номеров и отличалась высоким художественным уровнем, в соответствии со стандартами того времени в ней были веселый юмор и острая сатира, песни и танцы.

После репетиционного периода новой программы был составлен гастрольный маршрут, в который входили такие города, как Одесса, Киев, Львов, Рига. Программа пользовалась огромным успехом у зрителей, и залы были заполнены до отказа. Публике особенно нравились Н. Рыкунин и А. Шуров, которым в конце спектакля зал рукоплескал, выкрикивая: «Браво, Рыкунин! Браво, Шуров!»

Я забыла сказать о том, что в поездке принимали участие и мы с братом Леней. Мы не пропускали ни одного спектакля и запомнили до мельчайших подробностей исполнение всех номеров и даже мизансцены, только уже за кулисами театра. Однажды мы пригласили к себе в номер Н. Рыкунина и показали ему этот спектакль в нашей, детской, интерпретации. Мне показалось, что он пришел в восторг от того, как мы все исполнили.

Рыкунин был человеком высокого роста, очень разносторонним, отличался артистизмом, обаянием и имел умную светлую голову. А. Шуров, напротив, был маленького роста, толстый, играл на фортепиано куплеты, но часто на сцене забывал свои репризы, и всякий раз, когда это случалось, Рыкунин выручал его, повторяя известную хохму. А выглядело это приблизительно так: Рыкунин громко, многозначительно произносил длинное «А-а-а-а…» и в это же время рукой касался собственной головы, а потом той же рукой показывал Шурову на свой зад. В зале никто ничего не понимал, но, увидев, как

музыканты и другие артисты, находящиеся на сцене, хохочут, зал тоже начинал смеяться.

Как на сцене, так и в жизни Рыкунин и Шуров были очень милыми людьми, и общение с ними доставляло истинное наслаждение. Я с удовольствием вспоминаю ту поездку и тот великолепный коллектив.

Моя мама по жизни — очень веселый человек и, живя с мужем-музыкантом, любила среду музыкантов, не раз сама подшучивала над кем-либо, но, разумеется, по-доброму. В оркестре был еврейский парень, скрипач. Звали его Гера. Очень трогательный, сентиментальный молодой человек, который нередко советовался с моей мамой по разным житейским вопросам, а та частенько напевала ему смешную песенку, которая вызывала у нас, у маленьких, такой смех, что начинал болеть живот, но Гера не обижался:

— Гере мид а ципеле, сыграй мене на скрипеле.

— Какой я музыкант? Хорош у вас талант.

Жизнь музыкантов без хохм — это не жизнь! Они, как правило, всегда находят определенный предмет или человека, над которым подсмеиваются, и таким образом тихо развлекаются. Если человек, над которым смеются, вовремя не среагировал, то он становится постоянным предметом всяких шуток. А если среагировал на шутку, значит, с ним все в порядке, и все все забыли.

Расскажу одну хохму из жизни коллектива Шурова и Рыкунина. Правда, это было без нас. Коллектив приехал на гастроли в Сочи. В городе — летний наплыв отдыхающих, гостиницы все забиты, и музыкантов расселили по частным квартирам. Вечером все обмениваются впечатлениями о том, кто, где и как живет. Отец мой поселился вместе с музыкантом, которого звали Солли, он играл на виолончели и был невероятно остроумен. В общем, они с моим отцом спелись. Придя как-то вечером на концерт, они, т. е. Солли и мой отец, начали расхваливать свою хозяйку, у которой жили, и сказали, что она якобы работает в какой-то большой пекарне и каждый день приносит домой десятки пирожных, а какао — ведрами! Все, конечно, не поверили, но один музыкант решил проверить.

На следующий день у них в квартире раздался стук в дверь, и когда они ее открыли, то увидели стоявшего на пороге того самого музыканта, который пришел их проверить.

— А где пирожные? — спросил он.

Отец мой растерялся, а Солли сказал сонным голосом:

— Посмотри-ка на столе, может, что-то осталось со вчерашнего дня.

На столе в тарелке случайно «осталось» одно пирожное. Музыкант набросился и мигом его съел. Но не успокоился и продолжал:

— А где же ведрами какао?

— Посмотри внизу, там, в ведре, — ответил Солли.

Когда тот заглянул в ведро, стоявшее у кровати для ночных нужд, он тут же с криком выбежал на улицу. Потом он уже никогда не поддавался на разные розыгрыши, а в оркестре долго еще смеялись над этой злой, но поучительной для жадных людей шуткой.

После гастрольной поездки с родителями лето еще было в полном разгаре, и мама вывезла меня и брата на Украину в маленький, очень красивый городок Полтава.

Чудная река Ворскла, белые хатки, а улица, на которой мы жили, называлась именем известного еврейского писателя Шолома Алейхема. Там жили одни евреи — смешные, трогательные и очень добрые люди, как и персонажи из книг этого писателя. Занимались кто чем. Кто воровал, кто тратил, а кто торговал, все знали друг о друге все, что нужно было знать и что не нужно. Разговаривали они между собой очень громко, так, что вся улица слышала и люди порой выходили из своих домов, чтобы поддержать разговор соседей. По вечерам садились у дороги грызть семечки, перемывая друг другу кости, иначе и нельзя было.

Нас, москвичей, встретили как иностранных гостей и приняли сразу. Меня — как куклу-красавицу, брата — как лучшего игрока в футбол, а маму — как жену артиста. В общем, при таком раскладе вещей я чувствовала себя вполне хорошо. Тем более что все мальчишки были у моих ног, а подружки просто боготворили меня. Коли мы были артистами, значит, и роль свою надо было играть до конца. Вот тогда-то мы и вспомнили о своей концертной программе, выученной у Шурова и Рыкунина, и решили показать ее публике. Концерты должны были проходить, как это и полагается, не бесплатно, и все взрослые охотно платили нам в кассу. Мы взяли в концерт еще несколько свежих номеров — певца и певицу, а остальное все выполнялось мной и моим братом Леней, в том числе и акробатический номер, который мы тоже включили в нашу программу. Однажды во время показа этого номера Леня поднял меня высоко, и тут случилось что-то ужасное: публика начала громко хохотать. Тогда я поспешила разрядить обстановку, заявив спокойным тоном: «Артистам все можно».

Не могу не сказать еще об одном приятном для меня эпизоде из этого периода моей жизни. Мне было тогда не более девяти

лет, я уже училась в школе и вспоминаю то время с большим удовольствием. Не знаю, как это произошло, но помню, что моя мама вместе с тетей стали регулярно возить меня на Кузнецкий мост во Всесоюзный Дом моделей, где меня определили в манекенщицы. Там было очень интересно: залы со швейными станками, красивые материалы, мне постоянно что-то примеряли, а главное — это отношение ко мне. Долго со мной ездили на примерки, а потом учили, как ходить перед публикой. Меня причесывали, одевали, и я выходила в зал, где сидели дяди и тети, которые мне аплодировали после показа одежды.

Это была приятная страница из моего далекого детства. Я участвовала в международном показе мод, где представляла одежду Чехословакии. А однажды фото, запечатлевшие те международные показы, были вывешены в витрине ТАСС, и я впервые увидела себя на том показе мод.

ГЛАВА III
Музыкальное образование

Детская музыкальная школа

Когда мне было восемь лет, родители отвели меня в музыкальную школу, где я должна была пройти экзамен на вступление. Я появилась на экзамене в белом платье и с большим белым бантом в волосах. К тому времени я уже научилась что-то играть на фортепиано. Ну, например, «Чижик-пыжик».

На экзамене я отгадывала аккорды, хлопала в такт и, конечно, пела. Экзамен я сдала одной из лучших, но моим родителям порекомендовали отвезти меня в ЦМШ — школу для одаренных детей, которая находилась от того места, где мы жили в Москве, достаточно далеко. Родители были очень заняты, а потому решено было водить меня в обычную районную музыкальную школу, о чем я позже много раз пожалела. Я росла легким и в то же самое время трудным ребенком. Легкость заключалась в быстром и хорошем восприятии мира, а сложность или трудность — в том, что ко мне нужен был особый подход.

Когда я стала учиться в первом классе музыкальной школы, ко мне прикрепили учительницу, хорошую, знающую, и она тут же установила со мной контакт, а это означало, что училась я легко и хорошо. Но вскоре она ушла на пенсию, и меня определили к другому педагогу, у которой контакта со мной не произошло. Она была злая, нервная, каждую минуту срывалась, называя меня слоном, при этом орала и била сильно по рукам, в результате чего желание играть на фортепиано у меня начисто пропало. За семь лет учебы в музыкальной школе у меня сменилось шесть педагогов, у каждого были свои требования в соответствии с его представлениями о том, что и как надо. Говорят, какой педагог — такой ученик. В каждой шутке есть доля правды или в каждой правде — доля шутки. Так продолжалось до седьмого класса. И если бы не случай, который на мое счастье произошел со мной, не знаю, как бы сложилась моя судьба дальше, если б не он, господин случай!

Однажды ко мне подошла женщина и предложила начать с ней заниматься по фортепиано. Она была маленького роста, ничем не примечательна. Я согласилась, хотя подумала, что еще один варвар встретился на моем жизненном пути.

Я приходила на ее занятия не подготовившись, но каждый раз

слышала от нее добрые слова в свой адрес. Однажды она сказала мне, что она певица, и я, конечно, попросила ее спеть, не рассчитывая услышать что-то необыкновенное, но тут впервые моя интуиция меня явно подвела, и вместо обычного пения я услышала нечто особенное. Голос ее лился, как соловьиная трель, а я сидела и мечтала о том, что когда-нибудь я тоже буду петь. После того дня во мне как будто что-то изменилось. Я стала заниматься музыкой серьезно и отдавала ей все свое время. Лидия Анатольевна Давыдова — так звали мою учительницу — дала мне играть концерт Моцарта № 23 с оркестром с переложением для двух фортепиано. Я занималась день и ночь, а когда пришло время выпускного экзамена, где мы с ней сыграли этот концерт в два рояля, все педагоги нашей школы ахнули. Перед ними сидела не отстающая ученица, а одна из лучших — как та, которую когда-то принимали в эту школу. Выпускной вечер удался на славу. Тетя Маня достала мне по блату английские туфли на тонкой шпильке, на которых я еле ходила, но не показывала виду. А главное, что к тому времени я могла подобрать на фортепиано любую песенку и девчонки от меня не отходили ни на шаг!

«…Родители… заранее за меня все решили, кем я должна стать»

После окончания музыкальной школы я решила еще год посвятить подготовке для поступления в музыкальное училище. Я устроилась в школу рабочей молодежи, в которую должна была ходить по вечерам, а днем надеялась все свое время отдавать музыке. Но, к сожалению, так не получалось, потому что рабочие люди — это рабочие люди и учиться после работы им неохота, а потому большая часть времени, предназначенного для школьных вечерних занятий, у нас, то есть у моего класса, уходила на посещение кино. Смывались с уроков — и в кинотеатр.

А тем временем мой отец подыскал мне прекрасного педагога по сольфеджио, которая работала педагогом в училище, в которое я собиралась поступать. Но вместо того чтобы получать у педагога знания, я приезжала к ней с намеченной мною программой и изо всех сил старалась развлекать ее, напевая песенки под свой собственный аккомпацемент на фортепиано. В конечном итоге, когда подошел срок сдачи вступительных экзаменов в музыкальное училище, я оказалась неподготовленной, но поскольку я собиралась поступать на

дирижерско-хоровое отделение, где необходимо было иметь хороший голосовой аппарат, то я не очень волновалась. Конечно, такой расклад событий, честно говоря, меня не совсем устраивал, но мне не оставалось ничего другого, как идти в бой.

А с другой стороны, когда я мысленно представляла себе, чем мне придется заниматься по окончании музыкального училища, а именно устроиться в хор и всю жизнь махать перед хористами руками, хорошо, если не подумают, что с головой не все в порядке.

Там, где мы жили в ту пору, в районе Марьиной рощи, обитала большая еврейская община со своими нравами и традициями. Если поговорить с ними, то у них дети самые лучшие, и мои родители тоже старались поддерживать эту марку, а потому заранее за меня все решили, кем я должна стать. Наступило время сдачи экзаменов в музыкальное училище. Почти все дисциплины я сдала на «удовлетворительно», но, не очень огорчаясь, ждала главного экзамена, на который явилась разодетая и на высоких каблуках. Огромный зал с роялем и комиссия из 10 или 12 педагогов. Я сыграла что-то на рояле, а затем меня попросили что-либо спеть, и тут я решила блеснуть. Села за рояль и запела: «Отвори потихоньку калитку».

В классе была тишина, все слушали, а я все время ждала, что меня вот-вот остановят. Но мне дали пропеть два куплета, а потом неожиданно раздался чей-то голос: «Спасибо, хватит!» Я поблагодарила и вышла из класса.

Позже мой педагог рассказал моему отцу: «Вид у Нины был совсем не для экзамена. А главное то, что почти все педагоги выразили свое возмущение по поводу ее манеры пения! Она же джазистка! У нас не место таким, как она!», — это было общее мнение. И вдруг поднимается с места очень уважаемый всеми пожилой профессор Резник и говорит спокойно, что девочка очень талантлива и перед ней необходимо зажечь зеленый светофор.

Таким образом меня зачислили в музыкальное училище им. Октябрьской Революции. Но моя мечта стать певицей все больше и больше не давала мне покоя.

В тот же год в летние каникулы мы с семьей приехали на отдых в Сочи, где обычно отдыхали. Я часто пела для отдыхающих на пляже, меня там уже многие знали и охотно звали под навесы что-нибудь спеть. Особенно всем нравилась еврейская песня «Тум-балалайка».

Встреча-судьба

В один из таких жарких августовских дней на пляже появился знаменитый музыкант трубач Эдди Рознер, который приехал со своим оркестром на гастроли. Узнав о том, что Рознер расположился рядом с нами на Приморском пляже, один наш знакомый певец из Тбилисского оперного театра подошел ко мне и предложил спеть для Рознера, но я отказалась. Он силой взял меня за руку и повел под навес, где Эдди Игнатьевич Рознер в спортивной шапочке с козырьком и больших черных очках сидел на топчане. Увидев меня, Рознер поначалу сделал гримасу, будто в этот момент он случайно наступил коту на хвост, но, заметив толпу людей, среди которых было немало моих слушателей, он снисходительно улыбнулся, взял меня за руки и спросил, сколько мне лет, кто я и что умею петь. Я ответила: «Я все пою».

Я пела одну песню за другой, а он просил еще. В какой-то момент во время пения я случайно взглянула на Рознера и, увидев у него широко открытый рот, поняла, что он мною очень заинтересовался, и я не ошиблась.

Он попросил позвать кого-нибудь из моих родителей и, увидев моего отца, которого он знал как музыканта, долго с ним о чем-то разговаривал. В итоге Рознер захотел взять меня в Ялту, но мои родители не согласились, и решено было по приезду оркестра в Москву созвониться. Я была до того счастлива, что сама не могла в это поверить. «Ущипните меня», — просила я.

ГЛАВА IV
Марьина роща со своими нравами и традициями

Говорят, когда-то Марьина роща была непроходимым лесом. Однажды, как рассказывали старые люди, через этот лес держал свой путь один очень богатый купец. Внезапно на него напали бандиты и ограбили его. Чудом купец остался в живых, а на этом месте велел построить церковь и назвать ее «Нечаянная радость».

Постепенно люди стати селиться в Марьиной роще и обживать этот район. А что касается моих еврейских собратьев, так они там создали чуть ли не целое маленькое государство. Откуда они приехали? Да кто их знает. Одни — из Бердичева, другие — из Жмеренки, кто-то с Украины, из Молдовы и Польши, как мои дед с бабкой. Говорили по-русски как по-узбекски, но постепенно научились. Образования у большинства этих людей не было, но по-житейски они были достаточно мудрыми и зарабатывали себе на хлеб кто как мог. Одни воровали, другие торговали. В общем, устраивались! Сама Марьина роща была сплошь застроена маленькими, в основном деревянными, домиками. Люди здесь часто собирались вместе, особенно в праздники.

Я очень любила весенний праздник 1 Мая. Всюду слышались звуки свистулек, кругом — яркие разноцветные шары и, конечно, петушки на палочках, которые варил один наш знакомый дядя Исаак. А когда наступал вечер, улицы становились особенно красивыми, их украшали гирлянды огней, среди которых выделялись портреты Ленина, Маркса и Энгельса, я завороженно смотрела на них, не понимая, как они туда попали.

У мамы была подруга чуть старше ее, звали ее тетя Роза. Милая, хорошая женщина, в общем ничем не отличавшаяся от многих других, за некоторым исключением. У тети Розы был очень большой нос, а потому ей дали прозвище: Роза с носом. Она была безобидным веселым человеком. В принципе у нее было два настроения: или она плакала, или смеялась, а середины не было. Тетя Роза имела четверых детей, и все парни, в общем, неплохие, но как женщине ей было трудно с ними, и каждый раз она жаловалась моей матери по телефону. С буквой «р» у нее были проблемы, и понять ее могли только люди, которые с ней долго общались.

«Бася, — говорила она в очередной раз моей матери по

телефону, — у меня нет больше сил. Мой Лева мне каждый раз говорит: «Мать, не бзди — прорвемся, в горящем танке было хуже». А, Бася, — говорила она, — это не дети, а сволочи!»

Самое интересное, что у большинства евреев, живших в Марьиной роще, были специально придуманные клички, которыми они друг друга величали. Например, Марсик, Персик, Шаман, Масейка, Головчик, Карапет, Нос и т. д. Когда называли кличку, было ясно, о ком идет речь, и никто ни на кого никогда не обижался. Все без исключения умели зарабатывать деньги и знали, как их промотать. Люди были чрезвычайно жизнерадостные, а потому любили повеселиться, и если случалось, что нет денег на гульбу, займут, но пойдут погулять, при этом повторяли поговорку: «Лопни, но держи фасон».

А какие в роще были свадьбы — на 200, 300 человек! Какие накрывались столы! Женщины, бывало, ночами не спали, все только для того, чтобы приготовить вкусные вещи. Столы буквально ломились от изобилия. Все было на тех столах. Все, что можно было приготовить. Холодец, фаршмак, гифелте фиш и многое другое. Всю ночь играл оркестр, и танцы, «семь сорок» до упаду. Веселье длилось до бесконечности. Там порой забывали, к кому пришли и зачем. Где невеста, а кто жених. Бабки в углах перемывали соседям кости, но это не мешало людям любить друг друга, а главное — уважать. Отец мой тоже не раз играл на таких свадьбах, чем приумножал семейный бюджет. Как-то однажды он попросил меня что-нибудь спеть, а было мне тогда 12 или 13 лет, и с тех пор меня часто просили об этом, где только я ни появлялась.

После войны люди стали привыкать к мирной жизни, ездили на Дальний Восток, зарабатывая и привозя с собой немалые деньги, а в скором времени появились и свои купцы.

В Марьиной роще была одна такая пара — Фейга и Ёцик. Фейга была какое-то время подругой моей матери. Она уважала мою мать за справедливость, моя мать в Фейге ценила те же качества. В общем, как в басне Крылова: «За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха?» Фейга была маленького роста, толстенькая, с короткими ножками, волосы, вытянутые назад, собраны в пучок, глаза умные и пронзительные, как у майора Пронина. А главное — это ее голос. А какой может быть голос у женщины, которая почти двадцать четыре часа в сутки не вынимает изо рта папиросы, тяжелые — «Прибой». Эти папиросы могут убить даже лошадь, а потому, когда она с вами заговаривала, хрипя и покашливая, и при этом смотрела вам в глаза, трудно было сохранять самообладание.

Муж Ёцик, которого за глаза звали Поцик, был спокойным

гражданином, готовым на подвиг, что, собственно говоря, он и делал, уезжая на Дальний Восток на заработки на два, а порой и три месяца, и, возвращаясь, привозил камушки, которых и так хватало у Фейги.

Со своим мужем она расправлялась как повар с картошкой. Она нападала на него внезапно, как ястреб на свою жертву, невзирая при этом на окружение, и посылала его очень далеко, куда он безропотно и отправлялся.

Куда бы Фейга ни приходила, ее всегдашними украшениями были бриллианты. Она их умудрялась цеплять на все пальцы рук, и жаль, что у нее было только две руки. Но и тут она, не стесняясь, надевала по нескольку колец на один палец. Ощущение было такое, будто произошло извержение вулкана, а люди между собой говорили: «И как она не падает от такой тяжести?» Была у них дочь Шура, по природе — флегматик, которая училась играть на баяне. Казалось бы, еврейская девочка, так дайте же ей скрипку, при чем тут баян. Фейга заставляла Шуру играть и петь, и та, ничего не говоря, вынуждена была это делать, хотя ненавидела этот баян, а пение тем более. Лицо у Шуры, когда она пела, было такое, будто она проглотила что-то ужасное. А Фейга, разойдясь, орала на Шуру и требовала, чтобы та продолжала, и девочка молча глотала слезы. Я с ужасом наблюдала за всем этим, но ничего не могла поделать. После очередной игры на баяне Шура звала меня куда-нибудь в кусты, где были спрятаны папиросы, предлагала мне закурить, от чего я отказывалась. Потом она глубоко затягивалась и начинала изливать мне свою душу, а я молча слушала и вздыхала. Сама я в это время переживала первое чувство.

Однажды на одной из еврейских свадеб я *его* увидела. Он был очень красивый, невысокого роста, с черными глазами, ямками на щеках, когда улыбался, и белоснежными, как жемчуг, зубами.

Он был старше, а потому не обращал на меня ни малейшего внимания. Но однажды меня попросили спеть, и он подошел ко мне. Слухи о нем ходили самые разные, в основном те, что он связан с наркотиками, но меня это нисколько не тревожило. Для меня в то время был только он, а все другое…

Мы часто виделись на вечерах, но каждый раз он приходил с молодой девушкой Анной. Она была очень красива и напоминала мне принцессу из сказки. Фарфоровое лицо, маленький носик, румяные щечки, огромные темно-карие глаза и коричневые вьющиеся длинные волосы. Тоненькая, хрупкая 17-летняя Анна, видимо, сильно была влюблена в моего героя и, исполняя все его прихоти, постоянно оказывалась в положении. Всякий раз во время наших совместных гуляний и разговоров ни о чем, она

убегала куда-то в кусты, чтобы освободить себя от тошноты, а он сочувствующе говорил: «Бедная, это я виноват».

Вскоре они расстались, и на ее месте, возможно, оказалась бы я, да судьба меня уберегла. Это был год, когда я поступила на работу в оркестр Эдди Рознера.

ГЛАВА V
Эдди Рознер

Когда я узнала Эдди Рознера, ему уже было 54 года. Невысокого роста, слегка лысеющий, живой, энергичный — он мне казался необыкновенным. Всегда элегантно одетый и приятно пахнувший Рознер был образцом западных мужчин, о которых женщины могли только мечтать. Он был образован, говорил на многих языках, обладал большим чувством юмора и имел единственный недостаток: любил женщин!

Поговаривали на эстраде, что он не проходил мимо ни одной бабы, но были исключения и я в том числе.

Я обожала Рознера, называла его — дядя Эдди. Никогда и ни при каких случаях Рознер не запрещал мне так себя называть, что говорило о его нежном отношении ко мне.

При всех плюсах его характера, он был и достаточно сложным человеком и непредсказуем, как дитя малое. Если любит, отдаст всю душу, разозлится — будет трясти как грушу. И конечно, эстрадная среда, в которой он столько лет вращался, наложила свой отпечаток. «Золотко мое! — обращался он к какой-нибудь артистке. — Я вчера вас слушал, вы же — гвоздь программы!». Но, отойдя в сторону, тут же говорил кому-то: «Это полное говно». Но все это не мешало ему быть истинным музыкантом. При этом, надо сказать, что Рознер был разносторонним музыкантом. Он закончил берлинскую консерваторию по классу скрипки, затем высшую школу по классу трубы, блестяще играл и импровизировал джазовую музыку. В 30-е годы он создает свой оркестр, с которым гастролирует по всей Германии и Европе. Позднее женится на польке и во время Второй мировой войны уезжает в Польшу, потом в Белоруссию, а еще позднее в Москву, где с триумфальным успехом выступает со своим оркестром. О Рознере ходили легенды, как и о его трубе, которую многие называли «золотая», когда он появлялся на сцене в белом костюме и начинал играть знаменитый «Караван». Рознер был отцом джаза в Советском Союзе.

Однажды, еще живя в Германии, Рознер поехал на фестиваль музыки в Чехословакию, куда приехал знаменитый негритянский музыкант трубач Луи Армстронг. Услышав Рознера, Армстронг сказал: «Эдди, ты белый Армстронг».

Шли годы, Рознер продолжал работать со своим оркестром, по после войны ему очень хотелось съездить в Германию, где прошли его молодые годы. Однако он получил отказ и тогда

решился на нелегальный отъезд, но был задержан, и в 1948 году его отправили на Калыму сроком на 10 лет.

У Рознера два больших пальца обеих рук были изуродованы. Как-то я спросила его, почему, и он мне ответил: «На Лубянке пальцы вставили в тиски и зажали». Но он не любил вспоминать и говорить о том тяжелом для него времени. Даже находясь в лагере на Калыме, Рознер создает свой оркестр, из которого впоследствии вышли прекрасные музыканты. По ночам усталый и голодный он пишет аранжировки для оркестра. В 1954 году Рознер освободился и приехал в Москву, где снова собрал новый оркестр и занялся творческой работой.

Первая гастрольная поездка в 16 лет с оркестром Эдди Рознера

…Был октябрь месяц 1964 года. Мы созвонились с Эдди Игнатьевичем Рознером, и уже через несколько дней я стала заниматься с аккомпаниатором, выучила несколько песен, а еще через неделю уже стояла на сцене, где расположился также большой оркестр, с которым я впервые в жизни пела. Спустя какое-то время я сидела в вагоне поезда, а с улицы в окно доносился голос моей бедной мамы: «Нинуля, не забудь, колбаска и сыр в сумке!»

Это была моя первая в жизни гастрольная поездка в 16 лет с оркестром Эдди Рознера. Первая репетиция в Ереванской филармонии и первый мой концерт. На мне были платье белого цвета и английские туфли на шпильке, оставшиеся еще с выпускного вечера в музыкальной школе. На сцене конферансье Гарри Гриневич: «Как нелегко артисту выходить на сцену, каждый раз перед выходом он волнуется, и пройти вот этот отрезок от кулисы сцены до микрофона ему совсем не просто. А представьте себе, что чувствует сейчас артистка, которая должна пройти этот отрезок сцены впервые в своей жизни и которой всего-то 16 лет. Ведь это ее первое выступление. Итак встречайте: Ниночка Бродская!»

В зале аплодисменты, а за кулисами я, которая наотрез отказывается выходить на сцену. И тогда собравшиеся артисты насильно вытолкнули меня на сцену. Я оказалась одна перед публикой. Постояв несколько секунд, ринулась к микрофону. Оркестровое вступление, и вот я уже пою. Последней, третьей, песней была «Тум-балалайка», и зал буквально взорвался от аплодисментов. А через несколько дней почти весь город напевал

мою «Тум-балалайку». Я была окружена вниманием всех, включая прессу и, конечно же, музыкантов оркестра. Так началась моя трудовая жизнь — города, гастроли, новые песни, новые люди.

Рознер — дядя Эдди, как я его называла, — обожал меня и каждый раз, заходя в гостиничный номер, интересовался, ела я что-нибудь или нет. Если нет, брал за руку и вел в ресторан кормить. Меня называли «дитя оркестра». Но иногда это «дитя» устраивало фортели, ну, например: когда человек играет на духовом инструменте, боже вас упаси, показать ему лимон. У музыканта в этот момент начинается слюновыделение, и он не может играть. Так вот однажды, узнав это, я взяла лимон, который в ту пору могла съесть, не моргнув глазом целиком, как яблоко, и пошла на репетицию. Спокойно поглощая его, я уселась на первый ряд. Вначале Рознер не мог понять, что происходит, музыканты один за другим перестают играть, а сказать ему не смеют. Подумав немного, Рознер спросил: «В чем дело, холэра ясно?» Один из музыкантов пальцем показал на меня. Можете себе представить, как мне тогда попало. Но Рознер не мог на меня долго злиться, он подходил и говорил: «Сладкая моя! Что ты хочешь?» — «Хочу куклу немецкую, большую, с закрывающимися глазами», — отвечала я.

В нашем оркестре были солисты — Владимир Макаров, Салли Таль, Лариса Мондрус. На последнем имени хочу остановиться особо.

Я была ей как кость в горле. У нее были очень красивые фигурка, ножки и грудь, которую она постоянно оголяла в гримуборной. Я же на ее фоне выглядела тогда гадким утенком. Ей было 23 года, а мне исполнилось 17. Газеты то и дело на первых полосах писали о самой юной, а потом уже о ней, и, конечно, кому бы это понравилось?! Знаменитый Ремарк писал в одной из своих книг: «Еврейской национальности всегда свойственно было оправдывать своего врага».

Она в открытую смеялась надо мной, говоря, например, так: «У тебя вообще нет фигуры и шеи тоже нет. Голова и плечи. А лицо вообще непонятно какое, иди-ка отсюда, пока я тебе…» И кулаком мне! Нередко я уходила в слезах, а тетя Лиза, костюмерша, которая была прикреплена ко мне для присмотра, всегда меня успокаивала и жалела. Владимир Макаров как-то мне сказал: «Сколько можно быть ребенком, тебе не надоело еще?» И только Салли Таль, солистка и жена бывшего гроссмейстера Михаила Таля, была очень добра ко мне.

Это были первые удары закулисной эстрадной борьбы и жизни, которой я даже и не могла себе представить, и первые разочарования. Шло время. Я росла и потихоньку приобретала

некоторый сценический опыт. Стала серьезно готовиться к вечернему выступлению, в чем дядя Эдди мне много помогал, порой часами занимаясь со мной, показывая, куда я должна смотреть, как ходить по сцене и т. п. Однажды летом мы приехали на гастроли в город Херсон, где после концерта к нам за кулисы пришли артисты коллектива и сам Бен Бенцианов, который долго расхваливал меня Рознеру. К тому времени мне было семнадцать с половиной и я потихоньку начала превращаться из гадкого утенка в хорошенькую девушку. Ребята стали на меня засматриваться, а когда узнавали, что я еще и певица, отбоя не было!

В коллективе Бен Бенцианова был музыкант басист Виктор Понаровский. Вначале он повел себя по отношению ко мне по-родительски тепло, показал чудную песню на итальянском языке, хотел, чтобы я ее пела со своим оркестром, а потом признался в любви. Он был очень красив, умен и, понимая, что я для него совсем ребенок, боялся меня даже поцеловать, повторяя: «Как жаль, что тебе 17, а мне 37». Я получала от него много писем, в которых он писал мне о своих чувствах. Это были красивые письма, я их долго хранила у себя дома, не понимая толком, почему и зачем?

«… Кто пройдет в Одессе, пройдет везде»

Рознер всегда планировал летние гастроли по Украине, где проживало много евреев. Он обожал говорить и петь на еврейском. Перед поездкой делал программу, в которой обязательно был цикл еврейской музыки. На Украине его любили, потому что он дарил людям радость, исполняя их любимую музыку, которую они ждали, и сопровождали все выступления бурными, нескончаемыми аплодисментами. Я вспоминаю город Черновцы, где за кулисы к нам пришла поблагодарить за концерт известная еврейская певица Сиди Таль, которая подарила мне красивый букет цветов.

Затем наш маршрут следовал в город-герой Одессу. Меня заранее предупредили: кто пройдет в Одессе, пройдет везде. Если одесситы полюбят, значит, будет слава, а если не полюбят, то закидают гнилыми помидорами. И привели примеры о нескольких известных артистах и ныне здравствующих.

Вечером летний театр парка «Шевченко» был полон. Нарядные, пышущие здоровьем одесситы, разговаривающие на непонятном для меня наречии, ожидали предстоящего концерта.

Ну вот Гарри Гриневич в очередной раз вышел на сцену, и концерт пошел в заданном им направлении. Я не помню, в каком отделении и каким номером я шла, но помню, что оказалась на сцене. Несколько песен Рознера, а затем и «Тум-балалайка». Вам приходилось слышать гром среди ясного неба? Вот такой же гром услышала я. Еще несколько еврейских песен, и сцена была завалена цветами. Это был настоящий успех, который мне до того никогда не приходилось переживать. Весь город шумел о девочке, которая поет еврейские песни.

«В каждом коллективе, как в каждой семье, — свои радости и свои неприятности»

Вскоре в оркестре произошли некоторые изменения. Из оркестра ушла Лариса Мондрус. Сказать по правде, я была счастлива, некому будет теперь обижать меня, да и я сама чувствовала себя уже гораздо крепче и уверенней на сцене, а особенно после Одессы. В оркестре все были намного старше меня, и мне, конечно, не хватало общения со своими сверстниками. Но вот однажды в оркестре появился молодой парень, которому в ту пору было лет 26, и я неожиданно для себя в него влюбилась. Рознер очень ревностно отнесся к столь неожиданному для него повороту событий и отпускал всякие колкости в его и мой адреса, что нередко доводило меня до слез. Несмотря на то что физически я уже была достаточно зрелой, я так и не решилась на близкие отношения с этим музыкантом, хотя он этого очень ждал, и потом, уже через много лет, встретив меня, сказал, что жизнь его так и не сложилась из-за меня.

Оркестр — это прежде всего коллектив, а коллектив — это своего рода семья, ну а в каждой семье свои радости и свои неприятности. Вот об одном таком грустном случае я вам сейчас и поведаю.

Была у нас в оркестре одна танцевальная пара — Евгений и Галя Скуратовы. Оба красивые, молодые люди как будто были созданы друг для друга. Женя — высокого роста и хорошего телосложения, правда, слегка, как говорили артисты-балетники, тяжеловат для танца, но танец, который они исполняли, вполне импонировал его внешности и индивидуальности. Сюжет танца был таков: он выходил на сцену в рясе попа, потом появлялась красивая, с огромными глазами темпераментная Галя и совращала его. Это был очень красивый эстрадный номер, который пользовался успехом. И вот однажды, после очередных

гастролей, Женя и Галя пришли в дом Жениной мамы, которая в ту пору сильно увлекалась алкоголем. У нее, то есть у мамы, был друг, которого она постоянно к кому-то ревновала. В очередной раз, хорошо приняв спиртного, она отправилась в спальню с ножом в руке и, решив, что там отдыхает ее друг, пырнула его ножом в горло, да так, что убила насмерть. Оказалось, что в спальне был не друг, а… Женя.

Долго я не могла забыть этот страшный случай.

Ну, а чтобы не было так грустно, расскажу о смешном. Была длинная зимняя гастрольная поездка, от которой все уже так устали, что начинали выть волком. Устали от бесконечных гостиниц, столовок, ресторанов с их однообразным меню, хотелось скорее домой, съесть что-то домашнее, вкусное и наконец просто погулять по Москве. Последним был город Оренбург. Весь оркестровый реквизит уже отправили в Москву. Если вы забыли, как располагается оркестр на сцене, то я попробую напомнить: внизу сидит саксофонная группа, выше — тромбонная группа, а еще выше — трубачи и т. д. Концерт наш проходил в Оренбургском выставочном зале, где практически была сцена, а по бокам с обеих сторон — занавески, из-за которых выходишь и оказываешься прямо перед залом.

Поскольку весь реквизит, а точнее стояки, на которых сидел оркестр, увезли в Москву, на сцену поставили белые ящики, на них — стулья для музыкантов. Ящики были очень высокими, и, когда в первом отделении оркестр занимал свои места, их невольно задевали, и ящики ужасно трещали, а мы с ужасом наблюдали за этим из-за занавесок. Прошло первое отделение, перерыв, и вот звонки ко второму отделению. Музыканты готовы, и инспектор им показывает на «выход». Первыми идут влево из одной кулисы скрипачи, затем одновременно из двух кулис — саксофонисты и тромбонисты, и наконец очередь доходит до трубачей, которые уверенно, с шумом пробираются на свои места. Вдруг первый трубач Володя Избойников слегка оступается и всей своей огромной массой, с трубой впереди летит вниз, а за ним — все ящики. В зале воцаряется тишина. И среди мертвой тишины раздается голос снизу: «Ё… мать!» В зале — недоумение, затем — громкий хохот, который невозможно было остановить на протяжении нескольких минут.

За время работы у Рознера я хорошо изучила его повадки и настроение и порой, как бессовестный ребенок, ловко манипулировала этим. Рознер меня очень любил и всякий раз, когда клялся или божился, использовал имя своей дочери Эрики, которая в ту пору жила в Польше, и мое. Каждый раз он нежно, по-отцовски целовал меня, приговаривая: «Фейгеле майне» —

птичка моя или «Зысе майне» — сладкая моя, а если злился, то говорил: «Вигоню из оркестра, и будешь петь у тети Сони на именинах, холера пше крев», отчего я начинала тут же плакать, а он начинал меня жалеть! У нас в оркестре был инспектор — огромный жлоб с утиным носом и глазами, зыркающими по всем сторонам, как у «собаки Баскервилей». Он играл на баритоне, но в основном не играл, а создавал видимость игры. Главная его работа заключалась в том, чтобы следить за музыкантами и «доводить до сведения». В каждом оркестре такое было и не являлось новостью. Музыканты его недолюбливали и было за что: если кто-то вечером приводил к себе даму или выпивал, то назавтра Рознер уже обо всем знал. Однажды я решила поиграть на нервах инспектора и во время концерта подошла в кулису поближе к оркестру, скривила рожу и стала показывать дудки, от чего бедные музыканты не могли играть, давясь от смеха. Инспектор начал «прыгать глазами» по кулисе, не понимая толком, что происходит, а я побежала в другую кулису и сделала то же самое, наконец он не выдержал, выскочил в кулису, где увидел меня, трудящейся над очередной гримасой, и помчался вслед, желая поймать меня. Трудно представить, что бы он сделал, поймав меня, но я удрала, а он от злости сделался красным и заорал во все горло: «Будешь у меня говно лопатой убирать!»

А мне это и нужно было!

Я пошла в туалет, сделала себе из воды слезы, ну и не без того поплакала, чтобы было похоже. Пришла в гримерку к дяде Эдди и нажаловалась ему. Это надо было видеть! Разъяренный Рознер выдал нашему инспектору такую порцию, что тот каждый раз, когда видел меня, бежал гладить по голове, приговаривая: «Хорошая девочка».

Время шло. Через несколько лет, когда я уже окончательно «вылупилась из яйца», почувствовав себя достаточно самостоятельной, вдохнув кусочек славы, я ушла из оркестра. Разумеется, по творческим соображениям. А спустя какое-то время позвонил мой дядя Лева и сказал: «Рознер очень болен и просит тебя приехать». Мы собрались и поехали. Он лежал на диване у себя в кабинете, бледный, грустный, а потом попросил меня спеть ему «Тум-балалайку». Я села за пианино и запела. Закончив, повернулась к нему и увидела: его глаза были полны слез. На всю жизнь запомнились его лицо и слова, которые он сказал тогда: «Нинуля, когда я умру, ты не плачь, а приди ко мне с цветами, в красивом белом платье и спой «Тум-балалайку».

ГЛАВА VI
Теплое общение с Яном Френкелем

Не могу забыть и другие его слова. Как-то раз я пожаловалась Эдди Игнатьевичу Рознеру на свои жизненные трудности, сказав, что временами жалею, что окунулась в эстрадную жизнь так рано.

«Да, это нелегкий, очень тернистый путь». И еще: «Запомни, Нинуля, если вступил на подмостки сцены, обратного пути уже не будет».

Я еще не раз буду возвращаться в своих рассказах к Рознеру, но сейчас спешу рассказать о следующих эпизодах своей жизни.

Однажды во время концерта Рознер отозвал меня в комнату, протянул лист бумаги, на котором было что-то написано, и сказал: «Вот тебе номер телефона, позвони».

Я позвонила по телефону и услышала в трубке мужской голос очень приятного и мягкого тембра. Мы договорились о встрече, и уже через день-два я приехала по адресу, где проживал в ту пору композитор Ян Абрамович Френкель.

Открылась дверь, на пороге стоял очень высокого роста мужчина средних лет, с большими черными усами. Я запомнила маленькую комнату, в которой жила семья Френкеля: — Ян Абрамович, жена Наталья Михайловна и дочь Нина. Все они, как оказалось позже, были на редкость добрыми и милыми людьми.

Френкель сыграл и спел мне песенку, которую я должна была записать с оркестром кинематографии для художественного кинофильма «Женщины», стихи песни написал Михаил Танич, и называлась она «Любовь-кольцо».

Не могу сказать, что эта песня произвела на меня прекрасное впечатление, скорее наоборот. Воспитанная уже в определенной джазовой традиции и поработавшая с большим джаз-оркестром, я имела свое представление о том, какой должна быть песня. Главное — это смысловая нагрузка, песенная форма и, конечно же, красивая гармоничная основа. А тут я услышала очень простую, незатейливую мелодию, слегка напоминающую «цыганочку», и обычные стихи, что меня немного расстроило и даже озадачило, но тем не менее вскоре я отправилась на запись, где меня уже ожидали.

Увидев огромный оркестр, студию, множество стоявших всюду людей, я начала нервничать, затем — один взмах дирижера, и вот я уже пою. Ни людей, ни проблем! Одна музыка! Один дубль, второй — и песня записана. Аплодисменты оркестрантов! Говорят, что, когда они аплодируют, это высшая

похвала для музыканта или певца.

Прошло некоторое время, и не успел фильм выйти на экраны, как песня «Любовь-кольцо» зазвучала повсюду, сделалась очень популярной у любителей песни. Я стала часто бывать в доме у Яна Френкеля. Там меня, как мне показалось, очень полюбили, его жена Наталья Михайловна называла меня «советская Эдит Пиаф» и часто угощала тортом собственного приготовления. Помню, как во время моего очередного визита к Френкелям, Ян Абрамович достал какой-то песенный клавир и сказал: «Нина, у меня лежит песня, которую два года назад спела одна филармоническая певица. Песня прозвучала один раз по радио, но никуда, к сожалению, не пошла. Если она вам понравится, то ее можно спеть в оркестре Эдди Рознера».

Он ее сыграл, а я от изумления и восторга начала прыгать и хлопать в ладоши, восклицая: «Ян Абрамович, это же потрясающая песня!» Он смотрел на меня с удивлением и при этом очень смущался, что вообще было ему присуще.

А вскоре я уже пела эту песню в авторских концертах Яна Френкеля и просто в концертных выступлениях. Песня называлась «Август», на стихи Инны Гофф.

Начало самостоятельного пути

Начался новый этап моего творческого, уже самостоятельного пути. Была весна 1966 года. Все казалось прекрасным. Меня начинали узнавать, что вносило в мою жизнь какую-то особую радость и ожидание чего-то нового, до того неизведанного.

Френкель пригласил меня поехать с его авторским концертом, к которому я подготовилась, выучила еще несколько его песен. В концерте участвовал известный поэт Константин Ваншенкин. Выступления должны были состояться и в Ленинграде. Публика, перед которой мы выступали, была преимущественно молодая, наши песни пользовались огромным успехом, а особенно хорошо принимали «Август», песни на стихи К. Ваншенкина и, конечно же, «Любовь-кольцо».

Однажды вечером после концерта в Ленинграде ко мне в номер кто-то постучался. «Кто там, войдите!» На пороге стоял Я. Френкель. «Нина, вы что-нибудь ели?» — «Нет», — ответила я. Он достал бутылку молока, одну булочку и сказал: «Вам половина и мне половина». Я была очень тронута его заботой.

Вспоминаю наше с Френкелем выступление в Лужниках, где праздновалась годовщина Комсомола. Трибуны были

переполнены людьми. Шел концерт, объявили Яна Абрамовича, который сел за рояль и спел несколько любимых и популярных в ту пору песен, затем, подойдя к микрофону, который был поднят очень высоко под его рост, стал объявлять меня. В зале раздались бурные аплодисменты. Я подошла к микрофону. Публика начала смеяться, ведь оба мы напоминали смешных персонажей Пата и Паташона.

Он смотрел на меня сверху вниз, я смотрела на него снизу вверх. Картина выглядела смешной. Затем Ян Абрамович начал медленно опускать стойку с микрофоном, подбирая правильную для меня позицию. Люди на трибунах смеялись все громче, а когда Френкель установил микрофон на достаточной позиции — а это означало на уровне своих бедер, что быдо для меня в самую пору — зал разразился диким хохотом, который невозможно было остановить. Наконец, когда стало тихо, Френкель спросил меня: «Нина, вам так удобно?» — и зал опять начал хохотать.

В ту же весну мы приехали в Днепропетровск, где параллельно с нами выступал Ансамбль скрипачей Большого театра. Руководитель этого коллектива Ю. Риентович подарил мне букет цветов, на который я смотрела и не верила тому, что все это происходит со мной.

ГЛАВА VII
Вокально-инструментальныи оркестр под управлением Юрия Саульского

Я была творческим человеком, интерес к новым песням, новым переживаниям и ощущениям требовал постоянного удовлетворения, не позволяя успокаиваться на достигнутом. Поработав с Яном Френкелем, я отправилась на поиски нового, неизведанного. И путь этот привел меня в вокально-инструментальный оркестр под управлением и при участии композитора и аранжировщика Юрия Саульского. Оркестр организовался сравнительно недавно, он существовал всего лишь один год. Юноши и девушки в оркестре были очень молодые, но я была моложе всех. Однако несмотря на мой молодой возраст, все уже слышали и знали мои песни и относились ко мне с большим уважением.

В ту пору на экраны кинотеатров вышел фильм «Шербургские зонтики», в котором звучала музыка известного французского композитора Мишеля Леграна. Увидев этот фильм и услышав звучавшую там музыку, я буквально потеряла покой и уговорила Ю. Саульского достать мне магнитофонную ленту с тем, чтобы я могла петь это произведение. Юра с большим трудом достал пленку. Но магнитофона в ту пору у меня не было, а времени оставалось — один день. Аранжировка «Шербургских зонтиков», которую сделал для оркестра с хором Ю. Саульский совместно с аранжировщиком Арнольдом Норченко, была готова для репетиции на следующий день. Не помню как, но я достала у друзей магнитофон, списала кое-как текст, который, разумеется, звучал на французском языке, который я совершенно не знала, и назавтра отправилась на репетицию. Вспоминаю, как позже в Ленинграде ко мне за кулисы подошла женщина и спросила, где я учила французский. На что я ей ответила: «Нигде». Она удивленно посмотрела на меня и воскликнула: «Всего две фонетические ошибки!»

В оркестре Саульского было много разного народу, например, начинающий тогда Вадим Мулерман, который пел своего «Короля» — это была такая незамысловатая песенка, но пользовалась она большим успехом. В ту пору Вадик был сравнительно молодым и относился ко мне по-дружески. Ему тогда приходилось нелегко. Он не имел московской прописки и

часто ездил из Харькова, где жил, в Москву, а денег порой не хватало. Нередко ему приходилось спать на вокзале, да еще и голодным! Пару раз я давала ему взаймы немного денег, которых у самой не было в силу маленькой концертной ставки, да и ту не всегда можно было получить.

В оркестре у нас был директор — Марк Красавицкий, который пользовался моей забывчивостью и добротой. Довольно часто, когда я приходила за деньгами, он показывал мне ведомость, в которой стояла энная сумма, и при этом ласково шпорил: «Нина, а вы уже свои деньги все выбрали». Это длилось долго, пока однажды мое терпение лопнуло, и я ушла из оркестра. Надо сказать, что я таких вещей не терпела.

Была в оркестре еще одна молодая девушка из вокальной группы — Валентина Толкунова. За кулисами у девушек часто возникали разговоры о том, о сем, но чаще всего об этом. И каждый раз Валюта, вопросительно глядя на всех, говорила: «Ой, а как это и куда». Все, смеясь, расходились в стороны, а я старательно пыталась объяснять, куда и как, несмотря на то что сама в ту пору была абсолютно неопытна в таких делах.

Валюта вскоре вышла замуж за Юру Саульского, и какое-то время, как мне говорили, они были счастливы. И слава Богу! Но к тому времени мой след из оркестра уже давно простыл.

Веселые посиделки

В те годы мне уже часто приходилось записывать песни на радио, и многие из них становились популярными. Надо сказать, что невзирая на мой юный возраст авторы-песенники охотно приглашали меня на разные вечера, посиделки — в Дом композиторов, Дом работников искусств или в Дом журналиста, где за веселыми шумными беседами мы опустошали горы вареных раков с пивом. На этих вечерах бывали композиторы: Юрий Саульский, Роман Майоров, Борис Савельев, Владимир Шаинский; поэты: Наум Олев, Игорь Шаферан, Инна Кашежева и многие другие. Шутили, смеялись, порой сочиняли веселые эпиграммы. Помню, когда Борис Савельев, накопив энную сумму деньжат, купил себе машину «Запорожец», кто-то из поэтов написал на музыку популярной тогда песни Б. Савельева «Наш сосед» такие слова:

«Запорожец» приобрел.
Он лежит с женой в постели,

Принимая солидол,
И с балкона на рассвете
Смотрит грозно, как буржуй.
Может, на машине дети
Написали слово…
Пап, пап,
Па-па-ра-па
Пап, пап.

ГЛАВА VIII
Сотрудничество с Радиокомитетом

Много теплых воспоминаний связано у меня с радиопередачей «С добрым утром». Эта популярная тогда передача звучала по воскресеньям и относилась к редакции «Сатира и юмор». В «Добром утре» были чудесные люди, особенно главный редактор Аленин, который, как мне казалось, обожал меня и всегда хотел слышать все песни только в моем исполнении. После передачи «С добрым утром» мои песни стали чаще появляться в других музыкальных программах и на радиостанциях «Юность», «Маяк» и др.

Я любила бывать в Радиокомитете, который располагался на Пятницкой улице около станции метро «Новокузнецкая». Иногда я приезжала туда без всякой надобности, просто так, побывать там, подышать той атмосферой радио, повстречаться, а может, и познакомиться с новыми людьми, что чаще всего и бывало. Пройти туда было непросто. По обеим сторонам стояли милиционеры, которые проверяли пропуска при входе в здание и при выходе из него. А какие в то время там были буфеты, кафе, столовые? Сколько всего вкусного можно было поесть, и все за небольшие деньги. Само здание в ту пору выглядело огромным, со множеством лифтов и длинных, казалось не кончающихся, коридоров, и всюду люди, люди, люди…

Международный музыкальный фестиваль в Брашове

Был февраль 1968 года. Мне позвонили из Радиокомитета и пригласили на собеседование. Я вошла в огромный кабинет, где меня уже ждали. Не помню фамилии того человека, но он был одним из главных руководителей Радиокомитета.

Мне предложили поехать на международный музыкальный фестиваль, который должен был состояться в Румынии, в городе Брашове. Фестиваль назывался «Золотой Олень». Меня познакомили с композитором Леонидом Афанасьевым, который тоже должен был ехать на фестиваль в качестве члена жюри. Я получила необходимую информацию и большой сборник румынских песен. По условиям конкурса каждый участник должен был петь одну румынскую песню на любом языке. Я отобрала три песни, с которыми решила ехать в Румынию, и

вскоре мы с Леонидом Афанасьевым отправились на фестиваль. Но как нам сообщили уже позже, отношения между Румынией и Советским Союзом внезапно были испорчены, и в тот момент, когда мы поднялись в воздух, наш советник по культуре покинул Бухарест. Возвращать в Москву нас не стали, но обострившиеся между странами отношения мы тогда почувствовали на себе. В Брашове к нам присоединились наша эстрадная певица Эдита Пьеха и ее муж, композитор и руководитель ансамбля «Дружба», Александр Броневицкий, которые оказались в Румынии после гастролей по социалистическим странам.

В фестивале принимали участие представители сорока стран. Я взяла песню из репертуара знаменитой румынской певицы Дойны Бади и выучила ее на румынском языке. Для этого по моей просьбе в Международном отделе Радиокомитета ко мне прикрепили человека, владеющего румынским, который занимался со мной языком, особенно произношением, и, когда я спела на конкурсе эту песню, которая была необычайно красива и мелодична, ни у кого не возникло сомнения в том, что я в совершенстве владею румынским. В конкурсные дни второе отделение вечерних представлений отдавалось звездам, они выступали в гала-концерте. В одном из таких гала-концертов выступила Эдита Пьеха. Надо сказать, что Эдита Станиславовна отличалась от других советских звезд того времени хорошим тембром голоса и оригинальными, выполненными с большим вкусом туалетами, в которых выглядела королевой. Она это хорошо понимала и относилась к себе с большим уважением. Как начинающая певица я восхищалась ею, но вот когда она однажды во время концерта сказала: «Сходи-ка и принеси мне из номера что-то», — я отказалась идти, Эдита Станиславовна не простила мне такой дерзости, а еще позже, через год, когда я спела на телевидении песню «Наш сосед» из ее репертуара, отношения наши испортились на всю оставшуюся жизнь. И лишь через многие годы, когда я жила в Америке и мы встретились за столом в одном из ресторанов, то обнялись и простили друг друга. Чего не бывает в нашей жизни?! Как говорит один мой родственник: «Любите друг друга, и жизнь будет прекрасна».

Но «вернемся к нашим баранам», как говорил уже другой человек.

Был март месяц. Брашов, где проходил фестиваль, располагался в красивейшем месте в Карпатских горах. На склонах местами еще лежал снег, а на проталинах уже показывались первые весенние цветы — подснежники, и каждый раз, когда желающие увидеть достопримечательности этих мест садились в комфортабельные автобусы, которые увозили их в

разные живописные места, по дорогам тут и там стояли мальчишки лет десяти—двенадцати в национальных костюмах и папахах и предлагали туристам подснежники в маленьких корзиночках.

Невозможно было забыть теплые приемы, столы, заставленные национальными закусками и водкой из сливы, которая называлась «Цуйка». Несмотря на то что время для меня как для участницы конкурса оказалось нелегким из-за испортившихся отношений между нашими странами, как певица я пользовалась не просто благосклонностью, но и любовью слушателей.

«Я показала зарубежным ценителям музыки, что не только «в области балета мы впереди планеты всей»

Помню, как на большом заключительном банкете, где был и оркестр, когда конкурсанты проходили на свои места за длинными столами, оркестр внезапно начал дружно аплодировать. Вначале я ничего не поняла, а представитель румынского радио, обращаясь ко мне, сказал: «Эти аплодисменты вам!»

Лауреатом я не стала, но считаю, что внесла большой вклад в песенную музыкальную культуру и показала зарубежным ценителям музыки, что в СССР тоже очень любят песенное искусство и хорошо разбираются в нем и что не только «в области балета мы впереди планеты всей».

Я была удостоена премии дипломанта конкурса, хотя Л. Афанасьев и А. Броневицкий были уверены, что как минимум вторая премия лауреата мне будет присуждена. Как теперь мы уже хорошо знаем, за все нужно… бороться и свою правоту отстаивать, чего тогда, к большому моему сожалению, не произошло. Потом Леня Афанасьев рассказал мне, что места лауреатов были уже заранее поделены между французским шансонье, бельгийской певицей и чехословацким певцом. Спустя какое-то время представитель румынского радио, проучившийся в СССР пять лет, сказал мне: «Вы, великая, гордая держава, но, простите, с голым задом». Я поняла смысл его слов так, что чтобы получить место лауреата, надо было или хорошо заплатить, или накрыть шикарный стол.

Позже, в газете «Советская культура» в связи с прошедшим конкурсом обо мне обмолвились несколькими негативными словами, и, долго плакала от обиды, непонимания присходящего.

А главное то, что оказалась стрелочником. Но в душе я всегда знала, чего стою. После фестиваля в Румынии я получила официальное письмо, в котором один бельгийский импресарио приглашал меня с концертами в Бельгию. Приглашение было написано на французском языке, и мне снова пришлось обратиться за помощью к Эдди Рознеру, который, прочитав его, отметил, что это копия официального приглашения, а само приглашение или контракт посланы в Министерство культуры СССР, но «они тебя никуда и никогда, — сказал Рознер, — не пустят». Долго я ждала, надеясь получить ответ из Министерства культуры, но его так и не последовало.

Наверное, уже тогда начинались мои неприятности, с которыми мне позже пришлось столкнуться. И как все это больно было осознавать. Ведь какое чувство гордости за свое государство я испытывала тогда перед выходом на большую сцену конкурса песни в Румынии. Я гордилась тем, что представляю большую страну, советскую культуру.

Говорят, если уж не повезет, так не повезет! Вот пример, связанный с конкурсом в Румынии. Я выхожу на сцену во время большой и первой репетиции с оркестром, который сидит в яме театра. Зал мне показался огромным, с большими балконами по обеим сторонам и камеры. Телевизионные камеры, которые буквально летали по залу на каких-то кранах. Я впервые увидела такую аппаратуру. Все было по последнему слову европейской телевизионной техники. Я вышла на сцену очень робкая и смущенная. Робкая от того, что все было для меня впервые, а смущенная от того, что очень нервничала за аранжировки своих песен, которые были сделаны буквально за несколько дней до моего отъезда. Три песни, которые я должна была взять с собой в Румынию, мы попросили аранжировать совершенно потрясающего аранжировщика Арнольда Норченко. Его работы были всем известны, но то, с чем нам, то есть мне и моему отцу, пришлось столкнуться, было выше всех наших ожиданий. Арнольд любил выпить и любил это дело в большом количестве. Для нас это вылилось в настоящую каторгу, и прежде всего для бедного моего отца. Арнольд чуть ли не каждые несколько часов просил отца сходить за чекушкой (как тогда называли маленькую бутылку с водкой). Мой папа постоянно караулил, чтобы Норченко не соизволил куда-либо уйти, а если тот засыпал, что с ним часто случалось после принятой чекушки, папа будил его и говорил: «Арнольд, совесть у тебя имеется, ведь Нина через два дня или меньше уезжает?» На что тот отвечал: «Саша, я все знаю, обещал — напишу». Он все, конечно, написал великолепно, но аранжировки я получила в самый день моего отъезда в Румынию

и, конечно же, очень волновалась за возможные ошибки в нотах от поспешной их переписи. Я оказалась права.

Оркестр то и дело запинался, потому что оркестранты исправляли ошибки в нотах. Я стояла ни жива ни мертва! Дирижер был очень раздражен этим, но, посмотрев на меня и увидев мое выражение, помолчал и решил, наверное, смягчить обстановку и тихо из ямы спросил через переводчика: «Как тебя зовут?» Я ответила: «Нина». Дирижер повторил: «Нина, Нина…», — а затем пауза. И вдруг барабанщик оркестра громко говорит: «Нина-бамбина!», что означало — малышка. Оркестр и все, кто был в зале, грохнули от смеха.

С тех пор, как мне показалось, начала таять ледяная завеса в наших отношениях, которая мешала нам, людям музыки, понимать друг друга.

И смех, и грех, или

Как советские артисты ездили за границу

После фестиваля в Румынии я с Московским мюзик-холлом оказалась в Польше, где в представлениях или спектаклях принимало участие помимо меня еще много артистов. Ох, и веселое же время было тогда! В Варшаве на одном из спектаклей за кулисами, где переодевались солисты-женщины, Людмила Гурченко попросила каждую из нас снять с себя все золотые и бриллиантовые побрякушки. Надев все это разом на свои руки, она сказала: «Пойду убивать поляков, пусть видят, какие русские богатые». Следующая артистка была цыганского жанра Рада Волшанинова, она проделала все то же, затем на очереди были я и кукловод Марта Цифринович. Я не знаю, что чувствовали в тот момент поляки, сидящие в зале, но мы почему-то испытывали истинное удовольствие. А главное — это было весело!

Вообще, если говорить о том, как в ту пору артисты ездили за границу, то смешнее нельзя было ничего придумать. Все приезжали с полными сумками, набитыми консервами, пакетами со всевозможной снедью, чтобы не тратить деньги на питание, а на суточные купить шмотки.

Как только коллектив мюзик-холла появлялся после спектакля в гостинице, напряжение электричества в сети падало, а порой свет вообще вырубался. Да и как можно было выдержать такое количество электрических приборов?! Поляки все знали, но молчали как Штирлиц. Идешь по коридору и носом чуешь — в

этом номере жарят картошку, тут варят суп грибной, там готовят кофе и т. д.

Я фактически не успела запастись необходимыми продуктами, потому что только что приехала из Румынии, но меня постоянно подкармливала чудная Марта Цифринович, а чаще всего мы собирались в номере у великолепных артистов и прекрасных людей — Николая и Рады Волшаниновых. Все время с нами была Люся Гурченко, которая постоянно пыталась меня воспитывать, но из этого ничего не получалось. Там же были тогда и Олег Анофриев, и Афанасий Белов, и Лев Шимелов. А возглавлял Московский мюзик-холл великолепный художественный руководитель, умный и знающий человек, Александр Павлович Конников. Не могу также не вспомнить талантливого балетмейстера Давида Плоткина.

Спектакль сам по себе был очень интересен, со множеством номеров, как я уже отмечала раньше, и даже животные принимали в нем участие. Помню, что на сцену выводили живую лошадь, а Афанасий Белов должен был по сценарию спектакля в это время произносить монолог. Так вот однажды в Варшаве вывели большого жеребца, который, видимо, от длинной дороги, пока его везли, не удержался и все сделал прямо на сцене во время спектакля. Афанасий Белов от неожиданности забыл весь текст, который должен был произносить.

ГЛАВА IX
Кино и песни

Я уже говорила, что, возможно, не раз буду возвращаться в своих воспоминаниях к работе в тех или иных коллективах, но разговор, который пойдет сейчас, особый — это разговор о кино, то есть о песнях, которые были записаны мною к кинофильмам, и о людях, которые, разумеется, были главными героями всего происходившего, и, я думаю, что вам будет небезынтересно узнать об этом.

Первый опыт записи песни к кинофильму я приобрела, еще сотрудничая с Я. Френкелем. Об этом уже шла речь. А в то время, когда я работала в оркестре Ю. Саульского, произошло одно примечательное событие в моей жизни.

«А. Зацепин и Л. Гайдай просили спеть песню

«Где-то на белом свете…» очень просто, но я не согласилась»

Это было начало лета, какой именно месяц не помню, но начало. Концерты оркестра проходили в саду «Эрмитаж» — это была очень популярная концертная площадка тех лет, и в перерыве, то есть в антракте, ко мне подошел мужчина и представился: «Я композитор Александр Зацепин, хотел бы, чтобы вы, Нина, записали мою песню к кинофильму». Мы договорились встретиться на киностудии Мосфильм», куда я в назначенный час и приехала. Быстро посмотрев песню, я была готова к записи в киностудии. Несколько раз ко мне подходил Зацепин и говорил: «Нина, пожалуйста, спойте это очень просто. Ведь эту песню будет петь девяти-десятиклассница Наташа Варлей, и если можно, то спойте ее, как вы пели «Любовь-кольцо» Френкеля».

Я не захотела петь именно так, наверное, потому, что не хотела повторяться в другой песне, и еще потому, что пела в ту пору джазовые вещи на английском, на французском, югославском, польском и многих других языках, и мне показалось, что если я спою это как школьница, чего от меня тогда требовали композитор А. Зацепин и режиссер фильма Л. Гайдай, то проявлю себя как самая заурядная певица. Наверное, это все шло от молодости, и думаю, что теперь или даже тогда,

будучи старше, я бы такой ошибки не допустила. А песня это была — «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз…» из кинофильма «Кавказская пленница». Видимо, А. Зацепин был на меня очень обижен, потому как в следующий фильм «Бриллиантовая рука» меня не пригласили петь. И лишь спустя несколько лет Саша Зацепин предложил мне записать песню к фильму, чему я была очень рада и ошибок, подобных прежней, старалась уже не повторять. А новая песня называлась «С любовью встретиться…» и предназначалась для кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию».

Записывать песни к кинофильмам я очень любила. Композиторы и режиссеры фильмов обычнс рассказывали мне или, говоря точнее, описывали характер персонажа, за которого я должна была петь, а остальное я делала сама в тихой студии, где лишь изредка звучали голоса звукорежиссера или композитора, и чаще всего это были слова: «Иди, послушай» или: «Хорошо». Со своей задачей, надо сказать честно, я справлялась очень быстро и потому одно время бывала на «Мосфильме» довольно часто. Был на «Мосфильме» такой музыкальные редактор Сева Ланисов, так вот он порой в десять вечера позвонит мне и скажет: «Давай приезжай срочно!» — «А как же певица?» — «Она не справилась», — говорит он. Я начинала капризничать, зная заранее, что он будет уговаривать, да и похвалу хотелось услышать в свой адрес. Услышав хвалебные слова да еще: «Кроме тебя никто это не запишет», — я выходила из дому и через некоторое время уже была на месте.

«В титрах я увидела вместо своей ее фамилию»

Вспоминается много моментов, связанных с кино. Вот несколько из них. Позвонил мне однажды Саша Градский, которого я знала по записи пластинки Адика Тухманова «Как прекрасен этот мир», где Саша пел очень хорошую песню, и я там тоже пела. Так вот, позвонил Саша Градский и предложил записать его песню. Ну, не совсем песню, а музыкальные фразы или, правильнее будет сказать, музыкальные фрагменты — речитативы. Мне эта идея очень понравилась, и в один из дней я приехала на «Мосфильм», где меня уже ждали Саша Градский и режиссер фильма Андрон Кончаловский. Процесс записи мне показался тогда несложным, да и все, что требовалось от меня, не стоило, на мой взгляд, и выеденного яйца, но А.К. зачастил ко мне в студию, а я, естественно, выражала ему свое

неудовольствие — наивная!

Спустя некоторое время, гуляя по «Мосфильму», я увидела объявление о просмотре фильма «Романс о влюбленных» и заглянула туда. Фильм начался, я с нетерпением ожидала того момента, где должна была петь. Вскоре появился этот фрагмент. То, что я услышала, меня поразило и очень сильно обидело. Я понимала, что Саша был заинтересован в том фильме и не мог, очевидно, отстаивать свои позиции, но за что со мной-то так поступили?! В фильме временами звучал голос мой, а временами — другой женщины. Я, конечно, не могу утверждать, да и кому это теперь нужно, но у меня сложилось впечатление, что это был монтаж моего голоса и голоса другой певицы. В титрах я увидела вместо своей ее фамилию. Потратить время, усилия, чего-то ждать и получить вот такой результат, а главное — никто не удосужился хотя бы объяснить, что произошло, и извиниться передо мной.

«Да это же сам Ролан Быков!»

Помню забавный случай, который произошел гораздо раньше.

Однажды мне позвонили с «Мосфильма» и пригласили на фильм «Айболит-66». Приехав на студию, я попросила ноты песни, но мне сказали, что это не песня, а небольшой монолог. Вначале я была удивлена, но потом согласилась.

Запись долго не начиналась, и я поинтересовалась почему. «Ждем Ролана Быкова». «Что за имя? — подумала я. — Какой-то французский артист?» Я спокойно пошла в буфет, купила себе стакан чая и коржик, который очень любила, и принесла их в студию. Вскоре звукорежиссер в рубке скомандовал: «Начали!» Перед нами висел экран, и мы должны были синхронно с актерами на экране говорить текст. Я это делала тогда впервые, и все меня очень удивляло, а свет постоянно то зажигался, то гас, и я была в напряжении. Вскоре кто-то опять спросил: «Ну что, Ролан пришел уже?» Ответ: «Да, в студии». Свет погас. Впереди большой экран, по которому идет трансляция кусочка фильма, к которому нужно проговорить слова. Слева от меня — высокий дядя, артист, я — в середине, а справа — какой-то плюгавый, на мой взгляд, лысоватый, ростом, как я, мужичок с ноготок.

Мы что-то говорим, затем нас кто-то из рубки поправляет, затем снова гаснет свет и снова все повторяется, а между записями фильма, когда свет зажигается, этот, что стоит справа, берет мой чай, не спросив у меня, и со спокойным видом

попивает. Увидев в какой-то момент мое недовольное выражение, он сказал: «Я чуть-чуть, глоток, а?» Я промолчала. Но когда во время записи он начал ломать мой коржик, отправляя кусочки себе в рот, тут я не стерпела и решила ему выдать. «Слушай, — сказала я, — здесь поблизости через два павильона есть буфет, сходи-ка, а?» Мужчина стал извиняться и пошел.

О том выпитом чае я забыла бы и о коржике тоже, если бы не объявление о просмотре фильма «Айболит-66». Думаю, схожу, время есть. Захожу, сажусь. Зал полон. Начался фильм. То, что я говорила в фильме, оказалось такой ерундой, что мне даже стало немного стыдно за себя, но главное было впереди. Когда фильм закончился, я вдруг снова увидела того маленького мужичка, стоявшего на записи справа от меня. Он выглядел уже иначе, такой импозантный, в приличном костюме, все ему аплодируют. Я спросила: «А кто этот симпатичный, маленького роста?» И услышала ответ: «Да это же сам Ролан Быков, режиссер фильма!»

В дальнейшем судьба свела меня с Роланом Быковым еще раз в фильме «Приключения Буратино», где я должна была записать песенку Буратино. Теперь он стоял со мной в студии у микрофона и помогал мне создавать в песне тот образ, который виделся ему как режиссеру фильма. Не знаю, запомнил ли он тот случай с чаем или нет, но я старалась не показывать ему, что помнила все. Уж очень было стыдно! Он не сказал, доволен ли моей записью или нет, но, судя по тому, что песня осталась в фильме и другая певица ее не исполняла, можно думать, что эта запись его удовлетворила.

Разных случаев в моей жизни было очень много, но рассказывать хочется о наиболее ярких и потому запомнившихся.

ГЛАВА X
Москонцерт

Не могу забыть, как совсем еще юная участвовала в больших представлениях, которые устраивались в летнюю пору на стадионах. Артистов было огромное количество, и среди них немало народных и заслуженных. В большой комнате, где артисты переодевались, могли сидеть рядом и народный артист, солист Большого театра Павел Лисициан, и диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан, чей голос во время войны знал каждый советский человек, и знаменитый киноартист Борис Андреев, который, однажды увидев меня, чем-то расстроенной, сказал: «Да брось ты, Нина, не расстраивайся. Ведь у тебя этого говна еще будет в жизни много, как дафний в банке».

«Мы уже в ту пору в Москонцерте жили при капитализме»

Как-то, вернувшись из Польши, где была на гастролях с мюзик-холлом, я зашла в нашу концертную организацию, которая располагалась на Каланчевской площади в Москве. Надо сказать, что заходить туда было очень интересно: в коридорах масса народа, один встречает с лаской, другой хвалит, кто-то громко высказывается по адресу коллеги, которому вдруг повезло поехать за границу, а кто-то просто рассказывает свежий анекдот, и по всему коридору раздается смех, заглушая всех разговаривающих. А в общем, атмосфера, честно говоря, была не из легких — конкуренция, и этим все сказано. Многие друг друга ненавидели, оговаривали и даже делали гадости в рамках возможного. Мы уже в ту пору в Москонцерте жили при капитализме — каждый себе. У нас даже бытовала такая поговорка: «Оглянись вокруг себя, не е… ли кто тебя?»

Я вспоминаю, как перед каждым большим праздником начиналась форменная лихорадка: в эти дни было много концертов в залах и на предприятиях и у артистов появлялась возможность заработать побольше денег. Ведь каждый артист имел свою концертную ставку, вот, например, у меня долгое время была очень маленькая ставка, несмотря на то что я уже имела имя, меня охотно занимали в концертах, а о моей ставке говорили так: «Ставка больше, чем жизнь».

Артисты старались выступить в начале концерта, а концерт

называли «палка», чтобы успеть на другой, а потом на третий концерты. В общем, за кулисами шла страшная возня, а порой возникала и ругань. У нас в Москонцерте был один тихий старенький еврей аккомпаниатор. Фамилию его я забыла, но помню, что все его называли «7.40» — «семь сорок», а все потому, что если концерт начинался в семь часов, то в семь сорок, как правило, он уже был свободен и спешил на другой концерт.

Говорят, что дом, в котором размещалась дирекция Москонцерта до войны или даже раньше обозначался красным фонарем. Те, кто определил это помещение под Москонцерт, явно не ошиблись! Ну я, конечно, шучу, а в общем веселая была обстановка. Помнится вот такой случай.

В Казани, столице Татарии, отмечался праздник республики. Съехалось много народу, в праздничном концерте должно было принять участие огромное количество артистов Москонцерта, а также местной художественной самодеятельности. Праздник проходил в большом концертном зале, где в боковой ложе сидели члены местного правительства. В этом концерте или, правильнее будет сказать, этот концерт должен был вести известный конферансье Олег Милявский, но, к сожалению, он задержался где-то в другом городе, и вместо него послали другого конферансье, который вышел на сцену и сказал приблизительно такие слова: «Дорогие друзья, я рад, что сегодня в такой праздник нахожусь в этом зале. К сожалению, мой коллега Олег Милявский не смог приехать, и меня попросили заменить его, но, как говорится в старой поговорке, «Незваный гость, хуже тата…», и, обалдев сам от того, что сказал, стал как-то выпутываться, но на следующий день он был отправлен в Москву.

Или смешной случай, который произошел с артистом Сашей Лонгиным. В Пензе на стадионе проходил праздник, в котором также участвовало много артистов Москонцерта. Саша вышел на сцену и зарапортовался: «Здравствуйте, дорогие пензюки и пензюшки!» — сказал он.

«… С Борисом Бруновым… было чрезвычайно интересно не только работать, но и просто находиться»

Вернувшись в Москонцерт и проходя как-то по коридору, я столкнулась нос к носу с известным артистом Борисом Бруновым. «Вот вы-то мне как раз и нужны, Нина, — сказал он. — У меня гастрольная поездка в Ленинград с группой артистов. Поедете?»

Так началась моя работа с Борисом Бруновым, с которым

было чрезвычайно интересно не только работать, но и просто находиться рядом. Умный, находчивый, остроумный и жизнеприспособленный артист, с которым я себя чувствовала как за каменной стеной. Я стала выступать на лучших площадках Москвы — это и концертный зал «Россия», и Кремлевский Дворец съездов, а также Кремлевский театр, Колонный зал Дома союзов и т. д., и т. п., — в которых выступали лучшие артисты страны, и для меня, как для молодой певицы, это было огромной честью выступать с ними в одном концерте. За кулисами все те же шутки, анекдоты и, конечно, не обходилось без того, чтобы кто-то над кем-то зло не пошутил. Но ведь так уж устроен артистический мир, и порой эти, даже, казалось бы, злые шутки шли от сердца того, кто их говорил. Их все называли хохмами. Однажды Арнольд Дудник, известный юморист и пародист, разозлившись на певицу Гелену Великанову, сказал о ней так: «Гелька поет, как будто ссыт на жестянку!» Говорят, что, узнав об этом, Гелена Марцеловна долго не могла простить Дуднику такого афоризма в ее адрес.

В Москонцерте работала одна пара кукловодов — муж и жена, Дивов и Степанова, — потрясающие мастера своего дела. Куклы в их руках становились буквально живыми, и публика просто обожала их выступления. У них было много разных номеров, но основной, который мне тогда запомнился, — номер с огромной куклой, которая была молодым парнем, стилягой и лентяем. Дивов стоял сзади куклы, напевая в микрофон куплеты, делал всевозможные движения, что создавало полное ощущение того, что перед тобой живой персонаж. Куплеты были очень смешными, в них пелось о том, как этот ленивый парень не хочет работать. Я запомнила припев из этих куплетов.

А ты рот не разевай,
Газеточки почитывай.
А ну давай, давай, давай
Меня перевоспитывай.

Номер этот был особенно любим публикой и пользовался огромным успехом.

Дивов воевал на фронте, был контужен, и одна половина лица у него была перекошена. Тот, кто его не знал и видел впервые, мог подумать, что он просто дразнится, что и произошло однажды со мной. Увидев его в первый раз за кулисами, я чуть было не скривила ему гримасу, но что-то вовремя меня остановило. Осторожно я поинтересовалась об артисте у Брунова, и он рассказал мне о Дивове.

Однажды я спросила у Брунова: «Где Людмила Зыкина заказывала себе такую бижутерию?» На что Брунов ответил: «Что вы, Ниночка! Людмила Георгиевна бижутерию не носит. У нее все цацки натуральные». — «И что, такого размера?» — не унималась я. «Милая, Зыкина шутить не любит», — отвечал Брунов.

Как-то он попытался за мной поухаживать, накрыл стол и пригласил еще троих своих музыкантов. Они-то, музыканты, обо всем мне и сказали. Для них означало многое то, что Брунов впервые накрыл и для них стол. Но вскоре ситуация изменилась. Увидев, что я была совсем девчонкой по всем параметрам, он стал относиться ко мне по-отцовски, чему я была очень рада и за что благодарна ему. Однажды он обнял меня, прохаживаясь со мной за кулисами во время концерта. Увидев нас в обнимку, Кобзон, шедший нам навстречу, громко спросил: «Ну что, живете?» Брунов побелел от этой фразы и поспешил дать Иосифу нравоучительный ответ: «Ёся, как тебе не стыдно? Ведь она совсем молоденькая девочка». Через несколько минут Иосиф подошел ко мне и стал извиняться, ну а я никогда долго зла или обиды не держала ни на кого, за редким исключением.

Я всегда считала себя другом своих коллег, в меру отзывчивым человеком, готовым прийти на помощь тому, кто нуждался, и никогда не искала для себя никакой выгоды. Помню, как во время телевизионных концертов с оркестром Карамышева «Песня-66» ко мне подошла одна молодая женщина, участвовавшая в той же передаче. В разговоре с ней я почувствовала, что она желает со мной подружиться. Мы стали общаться ближе, я узнала, что у нее есть ребенок и муж, с которым она намеревалась расстаться, а сама хотела остаться жить в Москве. Она попросила меня познакомить ее с кем-нибудь на радио, что я и сделала, приведя ее в редакцию «Доброе утро» и попросив моих друзей Бориса Вейц-Савельева и Рому Гуцинока оказать ей возможную помощь. Они пообещали мне это сделать, и вскоре голос моей новой подруги зазвучал не только в «Добром утре», но и в других радиопередачах. В отличие от меня подруга оказалась очень проворной, и там, где подадут одну руку, она прихватит и вторую. Она попросила меня быть свидетелем во время ее бракосочетания, на что я охотно согласилась, порадовавшись за нее, а потом дела у нее пошли очень хорошо и она забыла номер моего телефона. Спустя какое-то время я встречаю человека, за которого она вышла замуж и на регистрации брака с которым свидетелем была я. То, что он мне сказал, было не из приятных и неожиданным для меня: «Нина, подруга твоя, меня жестоко обманула, не я ей был нужен, а мои московская квартира и прописка». Что ж, и такое бывает в жизни.

Услышишь хорошую песню «Тополя», приятный голос и поверишь человеку.

В то время я много песен записывала на радио в разных редакциях, к фильмам и на пластинках; правда, в самом начале моего творческого пути на фирме «Мелодия» меня воспринимали с трудом. «Деточка, сходите к врачу-ларингологу. У вас нездоровые голосовые связки» — так говорила мне тогда музыкальный редактор фирмы «Мелодия» Анна Николаевна Качалова, с которой впоследствии мы стали хорошими друзьями. Не могу не вспомнить добрым словом работавшего там же прекрасного человека и друга Владимира Рыжикова. Все они делали мою жизнь лучше, особенно тогда, когда много лет, а точнее девять, для меня были фактически закрыты радио и телевидение. Выпуская диски с моими песнями, они поддерживали необходимый уровень моей популярности на маркете в те годы. Огромное им спасибо!

Я уже говорила о том, что мне приходилось петь всюду, но вот туда, куда меня однажды пригласили, — было впервые, и был это кукольный театр С. Образцова. Мне надо было записать джазовую импровизацию минут эдак на пять-семь. Там же был и инструментальный ансамбль, с музыкантами которого я еще работала в «ВИО-66» Ю. Саульского, — это талантливый молодой пианист Игорь Бриль, саксофонист Алексей Козлов, барабанщик Володя Журавский. К сожалению, вскоре самолет, в котором Журавский летел на гастроли с очень известным в те годы пародистом Виктором Чистяковым, потерпел катастрофу, и они разбились. Это была настоящая трагедия для всего Москонцерта, для всех, кто их любил и знал.

Но тогда, когда мы все оказались в театре Образцова, был прекрасный вечер. Ребята-музыканты играли, я импровизировала на вольную тему, потом во время отдыха мы, а точнее я, сидели с Сергеем Образцовым, который показался мне очень милым, добрым человеком, любящим животных… Забыла сказать, что музыка, которую я записывала, была предназначена для спектакля «Необыкновенный концерт», и эту музыку должна была петь и играть кукла-негритянка. Сергей Образцов рассказывал мне о том, что у него много птиц и разных животных. Меня особенно поразило, что у него на даче жили два крокодила, которые находились в двух отдельных ванных.

На следующий день, встретившись на очередном концерте с Бруновым, я рассказала ему о своей встрече с Образцовым и, конечно, о двух крокодилах, которые живут на даче. Брунов, как я уже говорила, обладал большим чувством юмора и, быстро среагировав, заметил: «А у нас в Москонцерте есть еще один

крокодил — Тамара Герзон». Смех стоявших вокруг артистов не заставил себя долго ждать.

Тамара Герзон, работавшая в Москонцерте редактором, отсидела при Сталине восемь или десять лет. Разговаривая с молодыми людьми, она через каждое слово употребляла мат, за что ее порой не любили, ругали на партийных собраниях и, конечно, нередко посмеивались над ней. Позже, узнав ее поближе, я поняла, что мат был ее защитой, а на самом деле она была добрым человеком, которым недобросовестные люди не раз пользовались и которого обманывали.

С Борисом Сергеевичем Бруновым было очень интересно работать. Его часто приглашали выступать на разных фестивалях и декадах искусств в различные республики. На одном из таких фестивалей, проходившем в Кишиневе, мне посчастливилось побывать. Всюду музыка, песни и, конечно же, концерты, но особенно интересными и очень познавательными были экскурсии по достопримечательным местам Молдавии, где всюду нас ожидали банкеты с вкусными яствами. А какой артист не любит халявы? Артист без халявы — это как наездник без быстрой езды. Помню, как нас, небольшую группу артистов, повезли на одну из таких экскурсий. Это были знаменитые «Криковские подвалы». Приходилось ли вам что-либо слышать о них? А мы туда попали. Это целый подземный город, где хранятся лучшие вина Молдовы, которые в ту пору шли исключительно на экспорт, и лишь немногим удавалось их испробовать, и среди этих немногих оказались и мы. Много всевозможных вин испробовали мы в дегустационном зале и домой еле пришли «на бровях», особенно Брунов. Ему бедному все подносили и подносили, да плюс еще тосты, которые ему пришлось за всех нас произносить. Встретились мы с ним в поезде уже под утро. Я случайно приоткрыла дверь туалета, которую он забыл закрыть, и увидела Брунова, свесившего голову над унитазом. Позже я по своей глупости рассказала об этом кому-то из музыкантов, все, конечно, посмеялись, но отметили, что Брунов, сколько бы ни выпил, а выпивал он тогда достаточно много, относился к категории не пьянеющих, и этот случай, по-видимому, исключительный (произошла неудержалка).

А еще помню, как мы с Борисом Сергеевичем были на другом похожем фестивале народов СССР в Алма-Ате. Там тоже было веселое представление, в котором вместе с большой группой артистов участвовала и я. После концерта мне и Брунову подарили казахские национальные костюмы и пригласили на банкет. Рядом со мной сидел какой-то представитель обкома, который мне все наливал и наливал. И как я только ни пыталась

ему объяснить, что я не по этой части, он своего добился. Гад! Всю ночь я умирала и на следующий день тоже. А затем меня уговорили поехать вместе с нашей группой на берег реки Урала, где развели костры и в больших чанах приготовили уху из молодой осетрины. Съев такой вкусной суп, да еще на воздухе, я постепенно пришла в нормальное состояние, а потом пошла и посочувствовала Брунову за принятое в Молдавии.

На одном из банкетов фестиваля Борис Сергеевич попросил меня спеть, и я, разумеется, это сделала, и вот во время этого банкета подходит к Брунову народная артистка Казахской Республики, фамилию я ее не запомнила, и говорит: «Бирунов, а Бирунов, скажи Биротски, пусть она еще споет, у нее очень хорщий бзвук». Много раз Борис Сергеевич на каком-нибудь вечере рассказывал эту историю, и все дружно смеялись.

Всех артистов по отношению к себе я мысленно делила на два лагеря: тех, которые любили меня как певицу, и тех, которые ненавидели, а скорее завидовали и не любили, наверное, за то, что рано попала в прекрасный оркестр Рознера, работала с Бруновым, в общем, как многим это казалось — была «баловнем судьбы», и, наверное, так оно и было. Я нередко слышала колкости в свой адрес, и их было немало, но не на все обижалась. Я всегда любила и почитала старых артистов, с которыми посчастливилось работать в одних концертах, хорошо, например, относилась к актрисе Рине Зеленой, которая однажды в гримерке, увидев на мне короткое платьице, под которым виднелись молоденькие коленки, сказала: «Деточка, а что, тебе не хватило матерьяльчику на платьице?» Присутствовавшие заулыбались.

«…Просто так ничего в жизни не бывает»

С Борисом Сергеевичем Бруновым я проработала почти год, и, если бы не обстоятельства, мы бы еще долго работали вместе. Но прежде чем поведать о том, что случилось, начну издалека с тем, чтобы постепенно приблизиться к продолжению моего рассказа. В те времена появился оркестр, в котором играли лучшие музыканты Москвы, такие, как Георгий Гаранян, Владимир Чижик, пианист Борис Фрумкин, тромбонист Константин Бахолдин, тенорист Алексей Зубов и другие. Руководителем этого оркестра был великолепный музыкант и аранжировщик Вадим Людвиковский. Оркестр под управлением В. Людвиковского играл так здорово, что наряду со множеством поклонников вокруг него образовалось не меньшее количество

врагов. Оркестр работал непосредственно от Комитета по радиовещанию, и при этом же Комитете на радио и телевидении был еще один известный оркестр под управлением Юрия Силантьева.

А, как правило, два борца на одном ринге — это борьба. И вот тогда началась серьезная борьба между оркестрами В. Людвиковского и Ю. Силантьева. Борьба эта продолжалась несколько лет и увенчалась успехом в пользу Ю. Силантьева. В. Людвиковский был человеком спокойным, уравновешенным, и музыканты ценили эти качества. Но у него имелся один маленький, как говорят дирижеры, штришок — любил выпить, ну и, как многие советские трудящиеся, однажды «накушавшись» сильно, он решил помочиться, да не где-нибудь, а прямо у гостиницы «Пекин». На следующий день все об этом знали, и оркестр был расформирован, а Ю. Силантьев пожинал плоды.

Позднее выяснилось, что, услышав оркестр В. Людвиковского в его еще бытность, Э. Рознер решил расформировать свой оркестр и создать новый, еще лучше, собрав великолепных джазовых музыкантов, среди которых были саксофонист Геннадий Гольдштейн, трубач Константин Носов, Виталий Долгов, Александр Пищиков, Виктор Снегов, Владимир Богданов и многие другие. Оркестр этот, как и оркестр Людвиковского, долго не просуществовал, но уже по другой причине. Э. Рознер по своему характеру напоминал взрослого ребенка и относился к игре оркестра очень ревностно, ведь в оркестре сидели молодые парни и играли здорово. Рознер быстро понял, что годы дают себя знать, он теряет себя прежде всего как музыкант, и вскоре ему пришлось расстаться с оркестром.

Помню, как приходила на репетиции этого оркестра и дядя Эдди говорил мне: «А, золотко! Какой у меня оркестр — холера, ясно?» И я поднимала вверх большой палец, давая понять, что здорово. Однажды я увидела там музыканта, который сидел в тромбоновой группе. Он был красив, с серыми глазами и ртом, да, ртом. Губы были сложены в бантик, красивые белые зубы, а улыбка — сплошное очарование. Я спросила кого-то: «Кто этот мальчик?» И услышала довольно внушительный ответ: «Многие женщины о нем наводят справки, но он ни на кого не обращает внимания». Я, конечно, в это не поверила и стала наведываться чаще с тем, чтобы обратить на себя внимание этого парня, но он продолжал смотреть мимо меня всякий раз, когда я пыталась вызвать его на беседу. В итоге, убедившись, что я его совсем не интересую, перестала туда приезжать. Тем более что у меня тогда отбоя от парней не было.

Расформировав свой джаз-оркестр, Рознер набрал новую

команду, но уже по своим возможностям, хотя несколько музыкантов из бывшего оркестра остались в этом. Встретившись со мной в одной из концертных организаций, Рознер предложил мне поехать с его оркестром в поездку, в которой были такие города, как Ялта, Симферополь, Краснодар и наконец Одесса, где меня уже хорошо знали, любили, а главное то, что люди шли на концерт, что было очень необходимо тогда оркестру, который вместе со своим корифеем постепенно терял обороты. Я уже говорила, что у меня была очень маленькая концертная ставка — 6 рублей, и вот когда Рознер предложил мне с ним поехать, я ответила: «Завтра и поеду». А теперь вернусь снова к Борису Брунову, который в очередной раз должен был ехать на декаду искусств в Грузию, взяв, конечно, и меня. И тут ему сообщают о том, что я якобы дала согласие ехать в Одессу с Рознером. Я пыталась рассказать Брунову, как это все получилось, что я не собиралась ехать в поездку с Рознером. Узнав о том, что я не собираюсь ехать в поездку с Рознером, его директор и он сам стали плести паутину вокруг меня. А в это время в Одессе директором филармонии был легендарный Дмитрий Козак, который прослышав о том, что я отказываюсь ехать в Одессу, послал телеграмму на имя Рознера, в которой было сказано: «Оркестр Эдди Рознера принять не можем без Нины Бродской». Можете себе представить, что тут началось? Рознер был вне себя от происходящего, а главное — от унижения. И через Министерство культуры РСФСР он добивается того, что меня заставляют ехать вплоть до увольнения с работы за срыв концертов.

Борис Сергеевич Брунов не мог мне этого простить, считая меня, наверное, предательницей, и на протяжении многих лет относился ко мне с холодком, пока судьба не свела нас случайно уже в Нью-Йорке. Но это уже отдельный разговор, который будет в следующей книге. А пока расскажу, что было дальше.

Итак, я оказалась в городе Одессе. Рознер принял меня недружелюбно, и, как говорят, месть за месть, дядя Эдди поставил меня в конце первого отделения. Обычно, как это бывало в наши еще старые времена, Рознер садился за рояль и аккомпанировал мне одну еврейскую песню, затем вторую и так далее. Это всегда имело бешеный успех, но тут после спетых мною нескольких советских песен Рознер отказался от аккомпанемента. Концерт продолжался и, увидев, что я хорошо прошла и без еврейских песен, в следующем концерте он определил мое место первой, т. е. я должна была выходить в самом начале концерта. Таким образом, мое место постоянно менялось, и вот на одном из концертов, спев советские песни, я

решила пойти на компромисс, и в тот момент, когда публика не отпускала меня со сцены, распахнув широко руки, я мимикой и жестами показала в сторону кулисы, где находился Эдди Игнатьевич. Надо сказать, что одесситы — особая публика, понимающая, умная. Конечно, они сразу догадались, что Рознер не хочет выходить на сцену, и в зале начался шум, а на сцене наступила пауза. Тогда Рознеру пришлось выйти и сыграть мне «Тум-балалайку». Зал не унимался, я то уходила, то снова выходила на сцену. Публика шумела и кричала: «Давай Бродскую!» Рознер не хотел больше играть мне. И вот тут началось что-то такое, от чего кровь у меня в жилах стала стынуть. Зал стучал ногами, орал, и кончилось все тем, что после первого отделения пришлось закончить концерт и всем артистам, а также зрителям разойтись. Я ревела белугой. «За что?» — не раз я задавала себе один и тот же вопрос. Но, видимо, все на свете неспроста, и просто так ничего в жизни не бывает.

А между тем в самом оркестре текла своя жизнь. Там же в оркестре я увидела парня, который мне раньше нравился, но теперь мне было не до него. Он и еще один музыкант, дирижер оркестра, которые жили в одном люксовском номере, стали за мной ухаживать, и, как это не покажется смешным, оба в один день объяснились мне в любви, но я не отдала предпочтение ни одному из них.

«… Об Одессе можно вспоминать и говорить до бесконечности»

Не могу не вспомнить, как там же, в Одессе, нас собрал у себя дома — меня, Рознера, Люи Марковича и еще нескольких артистов — Дмитрий Козак. Более остроумного и веселого человека мне не приходилось встречать. Что ни фраза — то смех до слез.

Однажды он ехал в трамвае, и кондуктор спросила его: «Гражданин, вы взяли билет?» Козак ответил кивком головы. Через некоторое время она опять обращается к нему с тем же вопросом, забыв, что уже спрашивала. Наконец, когда она обратилась к нему с тем же вопросом в третий раз, устав от нее, Козак ответил: «Что же вы думаете, что если у меня толстая жопа, так я должен на нее брать второй билет?»

Вообще об Одессе можно вспоминать и говорить до бесконечности.

Мне рассказали случай, как на очередном концерте, который

вел О. Милявский, в зрительном зале появился гражданин, который во время представления искал свое место, мешая не только сидящим, но и Милявскому, и тот вынужден был прервать свой монолог. Милявский не выдержал и обратился к ищущему: «Здравствуйте, проходите пожалуйста, а мы вас все так долго ждали». На что товарищ этот, не глядя на Милявского, громко сказал: «Такие дорогие билеты и такие дешевые хохмы». Помню, как я встала на улице в очереди чтобы напиться газированной воды, и, подойдя ближе, услышала обращенный ко мне вопрос: «Женщина, вам с сиропом да или с сиропом бэз?» Я долго хохотала и рассказывала потом об этом своим друзьям.

ГЛАВА XI
Я становлюсь окончательно взрослой

Оркестр Эдди Рознера должен был ехать дальше по намеченному маршруту, а я после Одессы вернулась в Москву, где снова окунулась в работу, выступая всюду, но уже без Б. Брунова. Судьба понемногу стала меня наказывать за необдуманные поступки и этим давала понять, что пора становиться взрослой.

В том же 1968 году, ближе к весне стал организовываться вокально-инструментальный ансамбль «Веселые ребята», и дирекция Москонцерта уговорила меня принять участие в организации этого коллектива. В ансамбль «Веселые ребята» поступил на работу музыкант из оркестра Эдди Рознера, тот самый, очаровательный, о котором я уже рассказывала и который поначалу не обращал на меня внимания. Но со временем все изменилось.

Мой избранник

Работая в «Веселых ребятах», я по-прежнему много записывала песен, а также принимала участие в телепередачах. Концертная ставка у меня была очень маленькая, и это очень обижало меня, а иногда и сильно злило. Но зато мои отношения с избранником Володей Богдановым не только радовали, но и близились к логическому завершению, мы решили расписаться. Во время концертов в городе Куйбышеве устроили в ресторане свадьбу. Присутствовало человек 50: все артисты из одной программы режиссера Эмиля Радова «Когда улыбаются звезды», а также артисты квартета «Гайя», квартета «Аккорд», певцы В. Мулерман, Г. Великанова, М. Кристалинская и многие другие. Тамадой на свадьбе был Марк Бернес. Когда мы вернулись в Москву, мои родители решили сделать нам еще одну свадьбу, на которой было около 300 человек — артисты и знакомые, жители Марьиной рощи.

Эдди Рознер на свадьбу не пришел, но прислал огромную корзину красных гладиолусов.

Борис Брунов долго вспоминал нашу свадьбу и многим о ней

рассказывал. «Все ищут невесту, нигде не могут ее найти, а я зашел в подсобную комнату и увидел такую картину, — говорил Брунов, — сидит наша Нина на столе, свесив свои толстенькие еврейские ножки и большой ложкой ест черную икру».

Мы с Владимиром, моим мужем, любили друг друга. Оба отличались хорошей внешностью, отчего нередко происходили семейные трения. Я кому-то нравилась, и он нравился.

«Страшный сон в моей жизни»

Уйдя из «Веселых ребят», где у меня постоянно были ссоры с руководителем П. Слободкиным, мы с супругом — музыкантом-тромбонистом — решили уехать в небольшой город в трех часах езды от Москвы, который назывался Калинин и где директор филармонии пообещал мне концертную ставку в 13 рублей.

Вспоминаю тот период времени как страшный сон в моей жизни. Вот тогда я познала все прелести концертной работы, колеся по всем, как это называл своим именем опять же Рознер, «Хацапетовскам» и «Мухосранскам». Филармония денег вовремя не платила, и мы с мужем буквально голодали, порой покупали буханку черного хлеба и делили ее на несколько дней, как в войну. Помню, как один певец, работавший с нами, пригласил нас к своей подруге, и первый вопрос, который мы задали ему, был: «А там будет что поесть?»

Наверное, мы бы еще терпели некоторое время, работая в Калинине за обещанную мне концертную ставку, но в это время мои документы с просьбой о повышении ставки попали на стол человеку, бывшему в дружбе с виолончелистом Слободкиным, отцом П. Слободкина, руководителем «Веселых ребят», который не мог простить нам ухода из своего коллектива. Узнав об этом, я была готова к тому, что меня будут есть поедом, но деваться было некуда. Комиссия попросила меня спеть, при том что все знали, как я пою, тем более что в то время я была хорошо известна и любима на советской эстраде. Увидев в комиссии папу Слободкина, я тут же поняла, что повышения не будет, ко всему было еще написано сопроводительное письмо, в котором говорилось, что я профессионально непригодна!!!

Сколько я тогда перестрадала, знали только Господь Бог и мой муж. Я хотела броситься под машину — от отчаяния и несправедливости. И все это мой бедный муж вытерпел. Какое-то время мы жили у моих родителей, а потом получили телеграмму от одного администратора, очень делового человека, который

предложил нам работу, и мы согласились. Работа была очень трудной, но и интересной.

Песни XX века народов мира

Дальний Восток, остров Сахалин, где в маленькой речушке горбуша идет на нерест, а ты ловишь ее буквально руками. А эта красная икра, размером в одну фалангу моего пальца. Такую икру я до тех пор никогда не видела. А морозы на Усть-Илиме до 60 °С, только спиртом и спасались. А это Охотское море при отливе, где на берегу можно увидеть огромных медуз красного цвета! А погода, которая меняется раз пять-шесть в час: то солнце, то дождь, а то и вовсе град.

Коллектив, в котором мы тогда работали, назывался «Песни XX века народов мира», администратором его был Василий Кондаков, а поскольку песни народов мира, то и коллектив был многонациональный. С особым теплом я вспоминаю цыганскую певицу Галю Черную, которая в то время была почти моей ровесницей, и мы очень с ней подружились. Она была удивительно талантливым человеком. Чуть ли не каждый концерт я стояла за кулисами и слушала ее цыганское пение. А однажды, выучив все ее песни и разные цыганские штучки, я попробовала ей спеть. Что тут было! В общем, подруга моя вполне серьезно заявила: «Морэ, если заболею, ты можешь петь за меня Ромалэ, сестра».

Помните песню В. Шаинского

Уходит детство через мой порог,
Уходит тихо, как уходит осень.

Да, я становилась взрослой!

Та легкость, с которой я жила, та безмятежность, в которой я пребывала раньше, постепенно сменялись серьезностью и привычностью поведения, наступила обыденность, чего я больше всего не любила.

С Кандаковым нам пришлось расстаться. Нагрянула комиссия из Москвы и многих артистов лишила работы. В этот список попали: Муслим Магомаев, Владимир Макаров, мы за то, что ездили на гастроли без маршрутного листа, и многие другие.

Затем мы с мужем оказались в оркестре Олега Лундстрема, куда нас пригласили работать. Не знаю почему, но у меня от работы в том оркестре остались очень неприятные воспоминания.

Всюду сквозил какой-то леденящий душу холод, несмотря на очень хорошее отношение ко мне. Сам Олег Леонидович был великолепным музыкантом. Но обстановка в коллективе в те годы была западная, к которой я не привыкла. Кто-то на кого-то постоянно стучал, и об этом почти никогда вслух не говорилось. В общем, чувствовала я себя там не в своей тарелке.

«…Ну кто же так может здорово петь? Или Бродская, или Пугачева»

А сейчас хочу начать издалека. В году эдак 1965 или 1966 я и еще один музыкант, а точнее Павел Слободкин, встретились у пианино в фойе Театра им. Пушкина, в зале которого проходил очередной просмотр Москонцерта. Музицируем у фортепиано, к нам подходит молодая девчонка, выше меня ростом, в белой блузке, черной юбке, с рыжими волосами, с короткой, как мне показалось, слегка несуразной мальчишеской стрижкой и огромными веснушками на лице. Послушав меня, она вдруг спросила: «А ты — Бродская?» Я ответила: «Да». — «Ты знаешь, — продолжала она, — в это воскресенье в «Добром утре» кто-то пел, а я думаю, ну кто же так может здорово петь? Или Бродская, или Пугачева!» Мы засмеялись, и я ей ответила тогда: «От скромности ты не умрешь».

Мы с Аллой иногда встречались на съемках телевидения или в концертах. Время шло, и однажды, когда я, уже работая у Лундстрема, находилась, не помню, в положении или в декретном отпуске после рождения ребенка, оркестр должен был ехать на гастроли в Польшу, а поскольку я еще была не готова к работе, взяли как бы на замену вместо меня Аллу. Вернувшись с гастролей, она жаловалась мне, что ее обижают в оркестре, особенно женщины — певица М. Розова и еще несколько человек. Меня это очень тронуло. Тем более что у Аллы в ту пору на руках была маленькая Кристина. Помню, как я зашла в гримерку и, стукнув по столу, попросила всех сидящих там оставить Аллу в покое, за что она меня благодарила. Одно время, когда работали у Лундстрема, мы очень дружили — я, мой муж, басист Сергей Мартынов и Алла.

Я уже говорила о том, что в оркестре была трудная обстановка, и после очередной ссоры с Олегом Леонидовичем, который не сумел отстоять мои права, мы ушли из оркестра, начав работать с моим другом и композитором Алексеем Мажуковым, который в то время создал свой оркестр.

В 1972 году, когда мы с мужем работали в оркестре под управлением А. Мажукова «Советская песня», там же работал солистом Евгений Мартынов. Жене приходилось нелегко в ту пору, поскольку жил он в Донецке и каждый раз после гастролей ездил туда. Ну а если оставался в Москве, то жил где придется. Несколько раз я устраивала его на ночлег у родителей. В оркестре мы дружили с ним, с Давидом Тухмановым и с Лешей Мажуковым. Женя написал много прекрасных песен с Давидом Тухмановым, в том числе очень популярную песню «Лебеди» или что-то вроде этого: «Пусть летят по небу лебеди…» Одну песню Жени «Твоя вина» я записала на своей пластинке.

ГЛАВА XII
Незабываемые 70-е…

Давид Тухманов

Вспоминая то время, хочу остановиться на одном очень интересном творческом сотрудничестве. Мне позвонил композитор Давид Тухманов, а вернее его бывшая жена Татьяна Сашко, которая попросила приехать к ним, чтобы послушать несколько песен, я должна была записать их в новом альбоме под названием «Как прекрасен этот мир». Разумеется, я вскоре появилась у них. Мне были предложены три песни. Я их выучила. Рабочий процесс был сложным и длинным по времени. Но в целом это была очень интересная и творческая работа. Адик Тухманов — одаренный композитор, ищущий, по-своему характеру спокойный, уравновешенный человек, что никак не сочеталось с характером его жены Тани. Она четко знала, чего хочет, и настаивала на выполнении своих требований от всех, кто с ним работал, во всяком случае, от меня. С одной стороны, такому человеку, как Адик, нужно было иметь рядом толкача, подобно Тане. Но с другой стороны, как мне кажется, она иногда не вписывалась в его стиль жизни, хотя и не была лишена способностей. Первую песню из этого диска «Только ты молчи», так она называлась, я записала очень быстро. Со второй песней «Сан Саныч» тоже не было проблем, за исключением стихов. В песне рассказывалось о том, что школьница 9-го, а может быть, 8-го класса, была влюблена в своего учителя, который должен был жениться. И она его уговаривает слезно не делать этот шаг, потому что это очень серьезно. Милая, нежная, добрая песенка, но тут начались проблемы. На художественном совете фирмы «Мелодия» песню рубят. «Как это, советская школьница влюбляется в учителя да еще уговаривает его не жениться…» Много было дискуссий по этому поводу, и решили текст песни изменить. Бедный поэт Вериго мучился, но в итоге нашел выход из создавшегося положения. Этот же текст шел как бы не от ученицы, а от всего класса. В общем, с большими трудностями, но песню приняли, хотя, конечно, маленькую прелесть она потеряла.

В 1971 году я родила ребенка. Прошло несколько месяцев. Звонит мне Таня и говорит, что из того же диска у них осталась одна, мною не записанная песня «Капитан». Случайно я узнаю, что пока я рожала ребенка, Таня искала исполнительницу,

которая могла бы, по ее мнению, спеть лучше меня, но не найдя ее, снова обратилась ко мне. Я это восприняла как крайне некрасивый по отношению ко мне акт, учитывая, сколько я потратила своего времени, записывая песни Адика, при том что Таня за каждую песню получала хороший гонорар, а я получала за песню восемь или десять рублей.

Но продолжалось это недолго, я согласилась записать песню, тем более что пора было выпускать альбом в свет и дело оставалось только за мной. Но с песней я помучилась, потому что она была совсем не простая, и не могу не отметить, что Таня принимала в работе большое участие. В общем, альбом «Как прекрасен этот мир» был готов к выпуску. Тут-то и начались самые большие проблемы. Его не выпускали больше года. Многие уже не сомневались, что альбом вообще не выйдет, если бы не вступился ответственный работник ЦК ВЛКСМ Анатолий Панченко, который и решил все проблемы. Альбом вышел в свет. Я была очень рада за Адика Тухманова, ведь это был поистине адский труд, ну и в конце концов за себя. Альбом стал очень популярен среди истинных ценителей хорошей песни. В альбоме прекрасно пели Саша Градский, Леонид Бергер, Юра Антонов, Галя Ненашева. Песню «Сан-Саныч» многие помнят и сейчас.

«…Пока в стране будут управлять такие люди, как Лапин,

мне здесь делать будет нечего».

Работая в оркестре Алексея Мажукова «Советская песня», я одновременно готовилась выступить во Всероссийском конкурсе артистов эстрады. Несколько раз в неделю, а то и чаще я брала с собой трехлетнего сынишку Максимку и проделывала длинный путь в метро из одного конца Москвы в другой для того, чтобы готовить свою песенную программу. И так было каждый день на протяжении нескольких месяцев. Я укладывала сына спать на стулья прямо в классе, где занималась тогда с очень известным певцом Георгием Виноградовым. Он много мне помогал так же, как и художественный руководитель эстрадной мастерской Леонид Масляков.

В 1970 году председателем Гостелерадио СССР[1] становится Лапин, который тут же распорядился убрать из Радиокомитета всех, кто «не подходил» в соответствии с пресловутым пятым пунктом. Боже, сколько тогда моих друзей осталось без работы! Людей с большим опытом, музыкантов способных, понимающих.

В список неугодных Лапину людей попала и я. Мне закрыли вход на радио и телевидение, а какой артист может просуществовать без средств массовой информации. Вот тогда, чтобы как-то остаться на плаву, я решила принять участие во Всероссийском конкурсе артистов эстрады, чтобы показать многим, в том числе недоброжелателям, что я есть и буду.

Я тогда даже не подозревала, что сети вокруг меня затягиваются все туже.

В ту пору, когда должен был начаться конкурс, мы были в Тюмени. Горячей воды в номере как назло нет, а тут и морозы. Я сильно простудилась. И надо было так случиться, что в это время я получаю из Москвы телеграмму о начале конкурса. Мы тут же прилетели в Москву, надеясь, что у нас в запасе имеется несколько свободных дней, я смогу отдохнуть и подлечиться, но вдруг раздался телефонный звонок, и нам сообщили, что конкурс начинается сегодня. Мне аккомпанировал тогда ансамбль «Мелодия» под руководством В. Чижика. Слава Богу, не надо было долго репетировать. Сыграли и вышли на сцену. В зале было много артистов. Рядом с моим отцом сидел мой хороший друг Рома Гуцинок. Услышав название песни О. Фельцмана, я не помню ее название, но слова приблизительно такие:

Я вас люблю,
Я думаю о вас,
Вы для меня — смятение отныне.

Роман Гуцинок тихо сказал отцу: «Зачем она взяла эту песню. Ведь Магомаев ее так здорово спел». После того как я исполнила песню, Рома с облегчением заметил: «Это только Нине подвластно».

Я, честно говоря, не помню, как тогда пела, но думаю, что все эти невзгоды, скопившиеся в моей душе — Слободкин, Калинин, Лапин и прочее, — вызвали целый вулкан чувств, которые с болью вырвались на свободу. Когда я подошла к гримеру, меня окружила толпа артистов. Я была счастлива в ту минуту, понимая, что большей благодарности, чем благодарность артистов, не бывает. Но недолго я радовалась. Выйдя в фойе Театра эстрады в окружении композитора Вячеслава Добрынина, его жены Иры и подруги Аллы Пугачевой, я услышала голос моего супруга, который осторожно сообщил мне: «Тебя сняли с первого тура конкурса».

Поначалу я думала, что это — очередная шутка, а потом, убедившись, что так оно и есть, стала понимать и приходить к выводу, что пока в стране будут управлять такие люди, как

Лапин, мне здесь делать будет нечего.

Уже через некоторое время до меня дошел слух, что якобы меня видели в ОВИР, где я подавала документы на отъезд в Израиль. Через год слухи поутихли.

Я продолжала петь, хотя на телевидение и радио меня не пускали. Как-то мне позвонил композитор Эдуард Колмановский и предложил записать с ним милую песенку для телефильма «Три дня в Москве». Спустя некоторое время я зашла в продуктовый магазин, где увидела огромного мясника с топором. Ударяя им по чурбану, на котором лежали куски мяса, он громко, не смущаясь людей, стоявших за продуктами, напевал:

Одна снежинка —
Еще не снег, еще не снег,
Одна дождинка —
Еще не дождь.

Услышав это, я сразу поняла, что песня полюбилась. Э. Колмановский был горд этой песней и очень любил меня как исполнительницу. Однажды ему позвонили из «Останкино» и предложили сделать на телевидении передачу с этой песней, но певицу, то есть меня, заменить другой. На что абсолютно порядочный и честный человек Эдуард Савельевич ответил: «Песню эту будет исполнять или Нина Бродская, или никто!» Посовещавшись, они согласились снимать передачу с моим участием, при этом долго крутили меня на стуле, не акцентируя внимание на моем лице.

У меня была совершенно замечательная подруга Таня Гудкова. В шутку обычно говорят так: «Друзья познаются в БЭДЭ».

Вот как раз такой случай. Танюша в пору, когда я была «закрыта» для «ящика» и «слухового» аппарата, работала в должности редактора литературно-драматической редакции в «Останкино». Случайно встретившись и узнав о моей проблеме, она изо всех сил старалась мне помочь. Она пригласила меня для участия в телепередаче «Театральные встречи», которую вел тогда Василий Лановой. Поначалу все шло хорошо, но когда дело дошло до определенного этапа, то есть до Лапина или его референта, мою запись с песней вырезали из передачи. Я уже была к этому готова, а Таня сказала: «Если мне завтра скажут, чтобы я ушла с работы, я уйду, но тебя пробью!» Вот такие настоящие друзья были тогда в моей жизни, но, конечно, есть и сейчас. Таня все-таки пробила меня в другой передаче «Театральные встречи». Сколько было счастья и восторга! Такую радость мы поспешили отметить в ресторане «Арагви». Помню,

когда мы шли туда, люди, видевшие эту передачу, смотрели мне вслед. Это было здорово!

Спустя какое-то время после передачи, меня вдруг пригласили приехать в одну организацию, которая находилась на Неглинке и занималась концертами за рубежом. В ту пору в моем репертуаре появилась очень популярная песня В. Добрынина на стихи моего друга Леонида Дербенева «Кто тебе сказал». И когда я приехала в Болгарию, где пела с оркестром «София», после этой песни на сцену выносились корзины цветов. Оказывается, песня «Кто тебе сказал» в моем исполнении стала лучшей песней года в Болгарии.

Памятные и веселые случаи из концертной жизни

В Москонцерте в 70-х годах я работала с прекрасным ансамблем под управлением А. Пульвера.

Работать приходилось очень много, порой меня просто разрывали на части, несмотря на то что на телевидении я продолжала оставаться запрещенной. Мы много и с большим успехом выступали не только на московских площадках. Вспоминаю, как приехали на концерты на Байконур. Неожиданно кто-то из местных мне говорит: «Что-то вы часто к нам стали ездить». Думаю, как это часто, когда я вообще здесь впервые? Приводят нас вечером на концерт, а в зале зрителей можно по пальцам сосчитать. Я расстроена, но директор филармонии уже после концерта меня успокаивает: «Нина, не расстраивайтесь. Завтра будет полный зал». Оказывается, до моего приезда там побывала с концертом моя однофамилица Ирина Бродская. Естественно, не зная этого, люди пришли на мой концерт, но лишь позже всем стало ясно, что это была не я.

Много тогда мне приходилось ездить и участвовать в лучших концертах во дворцах спорта и на стадионах. Я сейчас вспоминаю один эпизод, который произошел на стадионе где-то на Украине в пору популярности Валентины Толкуновой. Я и наша чудная, а я бы назвала ее Великая, Клавдия Ивановна Шульженко стояли в помещении стадиона, где постоянно мелькали люди и где находились комнаты, в которых артисты переодевались. Мы с Клавдией Ивановной о чем-то разговаривали. Внезапно появилась Валюша с полной охапкой цветов, и, конечно, вокруг поклонники, жаждущие ее автографа. Наконец освободившись от них и оставшись наедине со своими цветами, она заявила во всеуслышание: «Как я устала от популярности!»

На память приходит еще один эпизод из моей концертной жизни. По-моему, это было в Казани. Нам с мужем пришлось взять с собой маленького сына, который тогда еще не разговаривал. Был вечер, мы собирались идти на концерт, как вдруг раздался стук в дверь, и в номер вошли два тогда очень известных артиста, которые стали особенно популярны после передачи «Радионяня», — это Александр Лившиц и Алик Левенбук. С ними был еще один молодой человек, как нам тогда показалось, очень милый. Видя, как мне было нелегко с маленьким ребенком, кто-то из них предложил: «Нина, пусть Гена посидит с мальчиком?» Я стала отказываться, ведь я этого Гену совсем не знала. Но тогда сам Гена стал меня уговаривать разрешить посидеть с моим сыном: «Что вы, Нина, я очень люблю маленьких детей и с удовольствием посижу». «Не волнуйся, Нина, — сказал кто-то из артистов «Радионяни». Позже, уже через несколько лет мы работали вместе с Геной в больших концертах и даже однажды работали по целому отделению в одном концерте. Это был Геннадий Хазанов.

А помните, когда в стране строилась Байкало-Амурская магистраль или коротко БАМ? Ох, и время было тогда! Гастролируя по БАМу, мы жили в вагонах, без воды, без туалетов, но главное — мы доставляли радость людям, работающим день и ночь, чтобы скорее построить железную дорогу. Глухие места, туча комаров и большие вездеходы, которые увозили нас в недоступные места, где работали простые люди, глубоко верящие в «светлое завтра». А эти озера, чистые как слеза?! А этот необыкновенный Байкал?! Там, на берегу озера, ночью для нас, артистов, а также для диктора Центрального телевидения Анны Шиловой, писателя и редактора журнала «Крокодил» Эрика Внукова, великолепного аранжировщика и дирижера Владимира Терлецкого, представителя Российской концертной организации, обкомовские работники устроили настоящий праздник. Когда-нибудь вы слышали выражение: «Омуля тебе на рожне»? Так вот, этого омуля мы ели на рожне, а делается это приблизительно так. Разжигается костер, рыбины омуля нанизываются на палки, которые располагают вокруг костра, и рыба коптится до готовности. Это такое чудо, ни с одной рыбой по вкусу не сравнишь. В конце пребывания на БАМе был устроен концерт на улице, где зрители сидели на грузовиках, и было такое ощущение, будто все происходит на большом стадионе.

А сейчас мне хочется рассказать о том, как я несколько лет сотрудничала с организацией «Пропаганда советского кино и Театр киноактера». Эта программа называлась «Товарищ кино». Правда, сами артисты, участники программы, между собой

называли ее «Товарищ вино».

Это была, пожалуй, самая веселая пора моей жизни. Кто только ни участвовал в этой программе-концерте: Алла Ларионова, Николай Рыбников, Нонна Мордюкова, Наталья Фатеева, Людмила Хитяева, Светлана Светличная, Владимир Ивашов, Всеволод Санаев, Борис Андреев, Сергей Мартинсон, Петр Глебов, Георгий Вицин, Евгений Моргунов и многие, многие другие. А также оркестр «Мелодия».

Выезжали обычно на несколько дней, давали по два-три концерта в день, а затем возвращались домой, веселые, добрые, слегка пьяные и с деньгами. После концерта все собирались в гостиничном ресторане, который для посторонних закрывался наглухо, и… до утра. Артисты — веселый народ. Всю ночь были слышны шутки, анекдоты, смех. А какие баньки нам приготавливали! В каждом Дворце спорта — свои банька, сауна и бассейн, куда очень любили ходить Света Светличная, Наташа Фатеева, я и мой муж Владимир.

Несколько воспоминаний из той поры.

Однажды Н. Караченцов, который тогда не был еще так известен, обратился к ансамблю «Мелодия» с просьбой, чтобы они ему саккомпанировали песню, которую он должен был спеть на концерте. Музыканты ответили: «Мы-то сыграем, но с тебя «прописка». На что Коля ответил: «Хорошо».

У музыкантов «прописка» означает «выпивка».

Николай, как говорят музыканты, «не прописался». А раз не «не прописался», то заслужил, по их понятиям, наказание. В песне, которую он должен был петь, музыканты заменили тональность на тон выше, и Николай, когда начал петь, запел «петухом». Всем было очень смешно. Коле пришлось бежать в магазин.

Как-то перед выходом на сцену я попросила Нонну Мордюкову подержать на руках моего сына на время работы. Сначала ребенок сидел на руках тихо, затем, услышав со сцены мой голос, начал плакать, крича «Мама!». А за то, что Нонна не выпускала ребенка с рук, он со всего маху дал ей, что называется, по морде. Нонна, смеясь, говорила: «Как это может быть — артистке дали в морду?!»

Я очень тепло относилась к Зое Алексеевне Федоровой, и не раз мы после поезда вместе возвращались домой на такси, подбрасывали ее к гостинице «Пекин», где она проживала. Хорошая женщина, пережившая в своей жизни много горя, и несмотря на это, всегда жизнерадостная и веселая. Помню, сидим мы в купе поезда, уносящего нас вдаль. За окном огни, деревеньки, а мы за бутылочкои спиртного с закусочкой, которую

приготовила Зоечка Алексеевна. Она выпьет, а потом тихо запоет:

Кудри вьются, кудри вьются,
Кудри вьются у б…
Почему ж они не вьются
У порядочных людей?

Не могу также забыть уникального Сергея Мартинсона. Вцепится бывало в меня, и я тащу его из гостиницы в автобус, а потом из автобуса в концертный зал. Еле-еле идет, ножками перебирая. Тащу его почти на себе, а потом он как выскочит на сцену со своими куплетами, так и вся хворь прошла — будто ее и не было.

Иногда вспоминаю неугомонного хулигана, как его однажды в автобусе назвала М. Ладынина. А было это так. Да, забыла сказать, о ком пойдет речь. Евгений Моргунов. Вообще, если говорить о Жене, то это был очень яркий человек, шкодный, весельчак, но иногда и даже чаще всего его хохмы не воспринимали. А жаль! Так вот! Сидим в автобусе полчаса. Кто-то спрашивает: «Кого ждем?» Пауза. Через пятнадцать минут возмущенные артисты начинают гневаться, снова вопрос: «Кого ждем?» Кто-то отвечает: «Моргунова». Что было потом?.. Автобус тронулся с места и поехал.

Как-то раз за кулисами один мужчина попросил у Жени автограф.

— Ты где работаешь-то?

— На заводе, изготавливаю кровлю.

— А я дом собираюсь строить, и мне нужна кровля. Так вот, принесешь завтра энное количество кровли, получишь автограф, — ответил Моргунов.

Назавтра мужик на грузовике, набитом кровлей, подкатил к гостинице, а Женя ему: «Ты что, мужик, спятил?»

Однажды Моргунов подошел к пустому троллейбусу и, взяв в руки дуги троллейбуса, встал сзади него. В это время мимо проходил мужчина, которого Женя попросил подержать дуги, пока он, то есть водитель, на пару минут сбегает в диспетчерскую, а сам перешел на другую сторону улицы и стал наблюдать за происходящим. Бедный человек, боясь отпустить дуги, мучаясь, простоял минут 15–20. И вдруг появляется настоящий водитель троллейбуса, видит мужика, который якобы спустил дуги, и начинает скандалить с ним вплоть до драки. А Женя, наблюдая за всем этим, тихонько потешается над ними.

Еще один случай, свидетелем которого была я сама, произошел в Минске. Между концертами днем мы поехали на

рынок за беловежскими грибами, которые очень славились в ту пору. Подойдя к одной бабке, он спросил: «Почем твои белые?», при этом руки прячет за спиной. Она отвечает ему: «15 рублей». «Ну вот, — говорит Женя, — знаешь, что у меня за спиной, а? Я только что освободился…» Продавщица перепугана до смерти, а мы стоим в стороне и смеемся.

О Моргунове можно много рассказывать. Вот последний случай. Поехали мы на концерты в Западную Украину, мы — это Лев Лещенко, Евгений Моргунов, Георгий Вицин, я и ансамбль «Мелодия». Вечером на концерте наши музыканты рассказали нам забавную историю. Пришли они днем в ресторан пообедать, и вдруг появляется Моргунов: «К вам можно подсесть?» — «Ну, конечно», — ответили музыканты, обрадованные соседством такого веселого компаньона. Музыканты заказали скромные обеды, а Евгений выбрал половину меню, и, когда подошла официантка с вопросом: «Как вам подсчитать?» — Женя ответил: «Вместе».

Одно время я очень увлекалась пародированием, копировала голоса известных певцов и даже их поведение на сцене, многие говорили, что у меня это очень неплохо получается. Во время какого-то празднования в честь фирмы «Мелодия» я показала редакторам А. Качалиной и В. Рыжикову несколько пародий, и они предложили мне сделать целый диск таких пародий. Но я отказалась, потому что для меня в ту пору это было просто дурачество и я серьезно к этому не относилась.

Позднее обратив внимание на то, как Нонна Мордюкова пела и двигалась на сцене в программе «Товарищ кино», я тут же ее изобразила и показала ей. Она была в восторге и всюду, где только можно было, просила меня показывать это. И даже на борту самолета, на котором группа артистов возвращалась из концертной поездки в Москву, мне пришлось, по ее просьбе, изображать актрису в проходе между креслами.

Впечатления о том времени, о людях, об отношениях с ними остались в моей памяти как незабываемые воспоминания о прекрасном периоде моей жизни.

Как можно забыть Аллочку Ларионову, Колю Рыбникова или Иннокентия Михайловича Смоктуновского, который однажды в Кишиневе, где мы работали, ожидал меня на выходе из театра, вынул из-под плаща и протянул мне яркие тюльпаны. «Это вам, Нинулька!» Прелестный Смоктуновский мне тогда сказал: «Ниночка, не выкладывайтесь так сильно с первой песни. Поберегите себя. Вас не хватит надолго».

«…Душа была сломлена»

В середине 70-х годов я одно время сотрудничала с Госконцертом, от которого несколько раз выезжала за рубеж. Всякий раз, если при отчете я ошибалась на несколько рублей, Госконцерт взимал с меня деньги в десятикратном размере. Смешно и грустно. Я ездила на разные международные программы «Евровидения» в Польшу, Венгрию, Болгарию, Монголию и Германию. Помню, приехала в Польшу на одну из телепрограмм, поляки оставляют меня на вторую, а потом и на третью программы. В те годы они очень хорошо платили. И я хорошо заработала за три концерта, а когда стала отчитываться, то оказалось, что я еще должна Госконцерту около десяти рублей, которые они высчитали у меня, опять же в десятикратном размере.

А однажды я должна была поехать в Берлин на «Евровидение». Немцы заранее прислали мне четыре песни на немецком языке, которые нужно было записать у них в берлинской студии. По приезду в Берлин меня отвезли в студию, где я и записала эти песни. Языком я не владела. Но немцы сказали мне, что если бы они не знали, что я русская, то не поверили. У них была полная уверенность, что я — немка. После съемок «Евровидения» немцы предложили мне стать участницей Международного конкурса-фестиваля на Балтике, который должен был состояться буквально через полтора месяца. Это был июнь. А в июле мне предстояло снова приехать на «Евровидение» туда же, а потом уже остаться на фестиваль. Должна сказать, что в ту пору я была в прекрасной форме, с хорошим репертуаром и очень красиво одета, что для артистки немаловажно.

А песни! Это были прекрасные песни: Бориса Рычкова «Наше лето», Владимира Преснякова «Ты скажи» и др., которые на сцене пользовались большим успехом. Короче говоря, немцы потратили свои средства, сделав мне портфолио из моих фотографий и паблисити для этого конкурса.

В июле я приехала на «Евровидение» во второй раз и, как предполагалось, должна была остаться для участия в конкурсе. Внезапно получаю телеграмму из Москвы, в которой черным по белому написано: «Срочно выезжайте в Москву». И все. И все!

Я была в ужасе и не знала, что делать. Но мне ничего не оставалось, как вернуться обратно. По приезде в Москву, куда я только ни звонила, чтобы узнать причину, но везде ответ был один и тот же: «Понятия не имеем». Я бегала по Госконцерту с одним вопросом: «Кто прислал телеграмму?» Ответ был: «Не знаем». Как будто играли со мной в молчанку. Боже, сколько я

тогда перестрадала и вытерпела!

Радио и телевидение практически были для меня закрыты и, кажется, навсегда. На телевидении, куда однажды я случайно проникла, одна редактор музыкальной редакции мне так и сказала: «Нина, уезжайте отсюда. У нас талантливых людей не любят, они здесь не нужны». И хотя я по-прежнему работала на лучших площадках страны, и всюду меня звали и приглашали, в душе моей росло чувство обиды, душа была сломлена. Все вокруг то и дело говорили: «Надо ехать». Эта мысль после последней поездки в Германию стала убеждением, которое послужило решительным толчком к принятию решения. Мы стали подумывать об отъезде. Не могу сказать, что я сразу приняла это решение. Было много сомнений, переживаний и слез. Но в конце концов решили: едем. Мы ушли из Москонцерта, чтобы другим за нас не попало, и в течение года ожидали разрешение и документы на выезд из страны. На выезд из страны, которую я всегда так любила и которой гордилась, особенно на конкурсе в Румынии. Все прошедшее всплывало в моей памяти. Будто вся жизнь прошла на экране.

«…Исмешные, и грустные моменты»

Были в это время и смешные, и грустные моменты. Мои друзья Алла Иошпе и Стахан Рахимов тоже собирались уезжать и постоянно втягивали нас в какую-нибудь авантюру. «Поехали в «Ядран» (магазин) и купим побольше кожаных сумок, ведь они там идут», — говорила Алла. И мы ехали за покупками. «Надо больше купить деревянной мебели, она там дорогая», — опять же говорила Алла. Помню, как в Доме мебели мы купили несколько огромных мебельных гарнитуров из дуба. Мне это напомнило фильм, где артист П. Кадочников говорит: «У вас продается славянский шкаф?» Ответ: «Шкафа нет, есть…», и т. д. Позвонив в Нью-Йорк Саше Лившицу, который уехал на несколько месяцев раньше нас, мы услышали от него: «Ребята, мебель и все остальное не везите — оставьте. Везите только табуретки». Долго потом мы были в недоумении, почему именно табуретки. Но так и не поняли.

Поначалу мы составляли узкий круг людей, собравшихся в иммиграцию, но постепенно наши ряды пополнялись и другими, такими же, как мы. Все боялись громко говорить об этом. В нашей небольшой компании собиравшихся тогда в путь помимо тех, кого я уже назвала, было еще несколько семей. Это семья Альберта

Писаренкова — конферансье Москонцерта — и семья композитора Анатолия Днепрова. Проблем было много! Продав кооперативные квартиры, мебель и все остальное, хотелось сохранить средства, и люди старались вложить свои деньги во все, что можно было продать там — за границей. Уже позднее мы узнавали, что привозили наши туда. Один чудак привез целый чемодан презервативов, другие — металлические молотки, щетки. Кто-то привез чемодан ниток «мулене». В общем, дурдом!

В те тяжелые месяцы ожидания, когда наш телефон ушел на покой от множества прежних звонков, вдруг однажды раздался звонок. Это был Михаил Жванецкий. Он пожелал нам удачи и всего хорошего. Не могу забыть и о Гелене Великановой, которая, встретив меня с мужем на Кропоткинской, сказала: «Нина, главное — занимайтесь музыкой, она поможет в иммиграции».

Мы уже подали документы, но никто еще об этом не знал. В это время Эмиль Радов пригласил нас на свое 50-летие в ресторан «Прага», где собралось более двухсот человек. Кого там только не было: Б. Брунов, А. Писаренков, И. Кобзон, Л. Лещенко и многие другие. Пели, хохмили. Весь вечер меня просили петь. И я пела все, что знала. Пела русские народные песни, романсы, еврейские песни и джазовые на английском. Во время празднования ко мне подошел один человек, который, как это выяснилось позже, занимал очень высокий пост в Министерстве культуры СССР, и сказал: «Нина, я обещаю сделать тебя звездой не только у нас, но и в мире».

К сожалению, это было сказано поздно, да и верить я перестала, а когда теряешь веру, сами понимаете, что происходит.

Я очень смутно помню наш прощальный вечер. Сейчас останавливаюсь, потому что слезы мешают мне писать. Не помню, что конкретно я тогда ощущала и чувствовала, видя людей, с которыми мы прощалась навсегда. Потом вокзал, аэропорт и Вена. Там нас встретил мой брат Леня с женой Людмилой. В первую ночь я не могла уснуть, мне было очень страшно. Страшно за себя, за мужа, которого я уговорила ехать, и за маленького сына Максима. Мне казалось, что я схожу с ума. Тихо, никому ничего не сказав, я достала из сумки маленькую баночку с таблетками валерианы и, взяв из нее много таблеток, проглотила их, запивая водой, а про себя подумала: «Если проснусь завтра, значит, буду жить!»

P.S.

В один из вечеров уже в Вене я, мой брат и мой муж решили прогуляться. Увидев кинотеатр, мы заглянули внутрь. Оказалось,

что это было заведение для порнофильмов. Почувствовав себя на свободе, мы решили посмотреть фильм, купили билеты и вышли на улицу в ожидании сеанса, до которого оставалось минут тридцать. Постепенно кинотеатр заполнялся людьми. Там же на улице нам встретился еще один наш соотечественник — администратор Москонцерта Ян Медовар, который тоже пришел полюбоваться эротикой. Мы обменялись приветствиями и разошлись по своим местам.

Зал был полон. Фильм начался, в середине шел эпизод о том, как мужчина подглядывает через замочную скважину в комнату, где происходила сексуальная сцена. И вот на самом серьезном моменте этой сцены вдруг на весь зал раздается голос Медовара с гроссированным «р»: «Ну и наяривает!». Зал умер от смеха. И оказалось, что в зале были почти что все иммигранты.

Я заканчиваю на веселой ноте, дабы жизнь продолжается!

notes

Примечания

1

Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию. — *Ред.*